

Елена Викторовна Котова

Легко!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2771635
Котова, Е.В. Легко!: [роман]: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-074593-7, 978-5-271-36307-8

Аннотация

Судьбы англичанина Джона, русской Анны и немца Хельмута переплетены самым тесным образом. Любовный треугольник неординарных, авантюрных людей, принадлежащих к международному истеблишменту, на первый взгляд необременителен и привлекателен. Отдых на яхтах олигархов, размышления о свободе за бокалом шампанского у Бранденбургских ворот и сплетни на тусовках Рублевки – легкая жизнь без претензий и сцен. Конечно, у каждого есть свои «скелеты в шкафу», но зачем об этом вспоминать? Но притяжение прошлой жизни неизбежно, поиск истинной любви тягостен – отношения с привкусом любви рассыпаются, словно замки из песка.

Жизнь не обманешь – за всё приходится платить, и порой очень дорого...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	34
Глава 10	39
Глава 11	41
Глава 12	45
Глава 13	50
Глава 14	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Викторовна Котова

Легко!

© Е.В. Котова

© ООО «Издательство Астрель»

* * *

В XIX веке в России были чрезвычайно популярны великосветские романы и повести, рассказывавшие о жизни высших слоев общества. У этого жанра были свои классики, например граф Соллогуб. В XX веке, после революции, светская проза по понятным причинам исчезла, отголоски ее сохранились в эмигрантских сочинениях. Сегодня она возрождается, и роман Елены Котовой «Легко!» – тому свидетельство. Написан он живо, ясным языком и со знанием дела. Те, кому интересно, как живут, как путешествуют, как «зажигают» от больших денег и сгорают от настоящей любви нынешние насельники великосветской России, прочтут эту книгу с интересом. Людям, страдающим приступами социальной зависти, эта книга противопоказана.

Юрий Поляков

Часть первая Лондон и до

«Это не отношения, Джон, это просто роман...»

Глава 1

– Ты обратно только в пятницу? Уж постарайся в четверг, – сказала Одри, высаживая Джона у терминала ранним утром в понедельник, как обычно.

– Попробую, но уже сейчас на четверг три встречи, не знаю...

– Ну тогда в пятницу хотя бы с утра. Мы же идем к Лизе и Саймону, помнишь?

– Постараюсь вылететь сразу после ланча.

– Твое «после ланча» – это практически вечером.

Джон уже не слушал. Все, как обычно в понедельник утром. Ведь она знает, что он любит все эти вечеринки и рвется домой из Лондона к концу недели, знает, что никогда не подводил ее и, в конце концов, никуда не опаздывал. Но зачем-то нужно еще поддавить. Он был уже мыслями в работе.

Одри не любила говорить о его работе: «Хоть по выходным за столом я могу про это не слушать?» Время пребывания Джона дома было ее временем, и она требовала высокого качества каждой минуты. Она точно знала, чего хочет, и всегда получала это. Тем не менее не упускала шанса напомнить ему о приносимых ею жертвах ради его «жизни на два города».

Приняв три года назад решение работать в международной телекоммуникационной компании в Лондоне (предложение, несравнимое с возможностями Эдинбурга), Джон был готов за это решение платить. Он сжимал пространство рабочей недели в четыре, а то и в три дня, ибо полеты в выходные были исключены, и не требовал за это благодарности. В конце концов, это его обязанность мужчины держать под контролем работу и мир в семье. Но он просто отключался от вопросов, начинающихся с «когда ты?..»

Самолет – это полноценный час работы. Цифры продаж, региональные данные... Сев в кэб у выхода из терминала, Джон схватился за телефон: квартальные цифры, уточнение прибыли. Его генеральный молился только одному богу – цифрам. Реальную работу – вести и уговаривать клиента, улучшать структуру портфеля он считал мелочами, для которых имелся Джон – лучший из трех региональных вице-президентов по продажам. И на эту реальную работу и шеф, и Одри оставляли ему мало времени.

– Слушай, – Одри прорвалась через вереницу звонков, – а как насчет идеи пойти в ночной клуб в субботу? Это идея Пайперов, и они всех обзванивают. По-моему, отличный вариант.

– Да, хорошо.

– Кто у нас зажигает лучше всех? Пайперы предлагают Room at the Top, там всегда весело, но еда вроде бы не очень. Ты как думаешь? Или лучше Po Na Na? Но этот марокканский декор... – не уверена. Ты как думаешь?..

– Room at the Top годится.

Раздражение уже стало отчетливым. Джон обожал тусовки, был не прочь потанцевать, вкусно поесть в хорошей компании. Тихие выходные дома – такого он не мог себе представить. Но ведь и двух часов не прошло! Одри, едва доехав до работы, уже всю разрабатывает планы на выходные. А еще только понедельник.

Он откинулся на сиденье кэба, закрыл глаза, переводя дух от звонков. Вообще-то к жизни претензий не было. Фитнес по утрам в субботу и гольф после ланча в воскресенье. Going out и в пятницу, и в субботу, и в воскресенье. Кстати, в это воскресенье придется дома поработать. Но выходные были еще далеко, за пределом реальности.

Джон отпустил кэб и вошел в здание. Уверенный в себе, энергичный, крупный мужчина в светло-сером костюме Hugo Boss и черной шелковой рубашке-поло. Немного веснушек на загорелом лице, глубоко посаженные голубые глаза с длинными ресницами, стильная стрижка рыжеватых жестких курчавых волос и намечающиеся залысины на лбу.

К одежде он относился с уважением, но без фанатизма. Стильно и классно – да, модно – не фактор. Главное: «я не старался, так само получилось». Костюмы Hugo Boss и Zegna – это мои лекала, мой класс, мой стиль. Разнообразить это можно Ralph Lauren для спорта и Armani, когда работа требует понтов. Жена иногда контрабандно подсовывала рубашки Yves Saint-Laurent и галстуки Brioni, и Джон бестрепетно мешал это со своим обычным гардеробом, уверенный, что природный вкус создаст тот самый искомый «небрежный» образ.

В офисе царил хаос. Жизнь на два города брала свое: завалы бумаг, разбросанные галстуки, пара ботинок в углу. Не важно. Джону не нужен был порядок, чтобы жить в гармонии с миром. Главное, чтобы компьютер не заглох и бэк-ап-файлы были актуальны. Этого достаточно.

Через пять минут офис дымился. Звонки, бегающие с таблицами менеджеры. Корректировка цифр в промежутках между руганью с производственниками и очередной беседой с клиентом. Джон обожал эту вибрацию жизни на грани невозможного. Еще. Еще раздвинуть границы времени. За полдня наверстать уже почти пропущенный дедлайн. Он знал, что многие ему завидуют, а часть недолюбливает. Не то чтобы ему было плевать, он просто считал подобное положение вещей неизбежным. Это было не нахальство, а зрелость. Люди не созданы одинаковыми, за успех всегда платишь.

День пролетел быстро. Джон был вымотан. Последний звонок в Брюссель, и надо бежать на длинный ужин с клиентом, акулой телекома из Мадрида.

В Эдинбурге у Одри тоже был хлопотный день. Терапевт в частной клинике, безупречно одетая, с хорошей косметикой и неброскими дорогими украшениями, она работала только с обеспеченными пациентами, как правило, озабоченными своим здоровьем настолько, чтобы довести врача до иступления. Она умела слушать, что в сочетании с ее профессионализмом создало ей репутацию одной из лучших. Но она понимала, что Эдинбург – ее предел. Она не сумеет выдержать прессинг конкуренции Харли-стрит Лондона.

Между визитами пациентов она хваталась за телефон: сплетни с подругами, перемирование косточек мужьям с их мелкими обманами и полным непониманием женщин. В этих разговорах рождались планы следующей вечеринки или поездки в Вену на длинный уик-энд.

Одри звонила мужу по несколько раз в день. Она знала, что Джон занят, знала, что ему начхать, какое меню будет у Шепердов в следующую субботу. Но знала и нечто более важное. Во-первых, он любит ее и никогда не скажет, как ему надоели эти звонки. Во-вторых, он должен всегда быть готов принять участие в том, что важно для нее. Инстинкты женщины и хорошего психолога – а она обязана быть психологом по профессии – говорили ей, что никогда не лишне напомнить, что ее право на Джона не подлежит обсуждению.

– Ну как, устал? – спросила она, едва Джон сел в «мерседес», появившись из терминала с часовым опозданием в пятницу вечером.

Одри ненавидела этот аэропорт, куда вынуждена была мотаться каждую неделю. И ждать. Неужели трудно позвонить еще раз и уточнить прилет? Он просто не думает о ней, создавая все эти неудобства. Живет в наваждении своих чисел и прочей ерунды, не задумы-

ваясь, что ее время не менее ценно... Но что можно ожидать от мужчины, даже от самого лучшего. На то и жены, чтобы жертвовать собой.

Не дожидаясь ответа, Одри стала рассказывать о своей неделе. Старик Уитман выжил из ума: требует онколога, хотя у него стандартная подагрическая шишка. Да и вообще все вокруг так испытывают ее терпение, уму непостижимо. Горничная отнесла новый белый топ Versace в химчистку, хотя черным по белому написано: «ручная стирка в холодной воде». А самое интересное – их девишник в среду.

– Ты не поверишь, но Джуди опять читает книжки по психологии. Конечно, муж ведет себя по-свински, это не вопрос. Ну не разговорами же это лечится. Боюсь, Джуди очень разочаровывает его по ночам, как ты думаешь?

– Я думаю, они оба уже не способны на полеты и не рвутся к ним.

– А ты веришь, что у него роман с женой Найджела?

– Вполне, она его буквально преследует.

– Ну и разве это не ужас?

– Ужас, что он выбрал любовницу из нашего круга. Кошмарное унижение собственной жены. Но это, если там и правда что-то есть, в чем я не уверен.

– Иными словами, если это шито-крыто, то о'кей?

– Иными словами, вообще ничего. Просто говорю, что нельзя, чтобы на твою жену показывали пальцем. Это беспредел.

– Как будто если никто не знает, это нормально?

К счастью, они доехали до дома. Джон любил входить в свой дом после недели в Лондоне. Стильный дом – класс во всем. Светлый бархат диванов, белые карнизы, темно-зеленые стены и неброские дорогие ковры на дубовом полу. Аантикварное черное кресло, которое они в прошлом году привезли из Испании, придавало шик завершенности, но не выглядело нарочитым. Он включил стерео: звуковая дорожка из Match Point. Какое квазиинтеллектуальное дерьмо всегда делает Вуди Аллен. Но музыка хороша, отлично подобранные арии. Прекрасно идут под «Талискер». Со стаканом в руке Джон пошел вверх, в спальню, переодеться к обеду. Как хорошо дома. Одри выглядит потрясающе. На вечеринке будет весело, он, в сущности, уже соскучился по этим людям, которых привык видеть каждую неделю.

Вечер удался. Саймон рассказывал о поездке в Японию, а все глумились над ним, цитируя фильм «Трудности перевода» и спрашивая, не подцепил ли он там девушку. Или еще что-нибудь эдакое, японское. Его жена, Лиза, как всегда, была сама элегантность и спокойствие: поддерживала разговор, когда он начинал иссякать, вовремя меняла пепельницы и бровью не вела на откровения мужа. Все по очереди поглядывали на Джуди. Ее муж флиртовал с женой Найджела. Потом все потянулись танцевать.

Джон обожал танцевать. Гораздо больше, чем Одри, которая, казалось, делала над собой усилие. Он танцевал с Одри, с Лизой, с Джуди и опять с Одри, и со всеми остальными дамами, и опять с Одри. Ему было хорошо.

Они ехали домой теперь в открытом «порше» Джона. Одри не одобряла агрессивной езды. Он был на адреналине от прошедшей недели и от вечеринки и шел восемьдесят миль в час по моторвею. Одри сказала, что выйдет из машины, если он немедленно не скинет скорость. Джон тут же сбросил до пятидесяти, чтоб выйти стало проще. Она сказала, что он хамит. Дома они добрались до спальни и сладко обняли друг друга, постепенно погружаясь в сон и предвкушая предстоящий уик-энд.

Глава 2

На следующий день по пути в фитнес-клуб Джон был в хорошем настроении. Неспешный утренний субботний завтрак с газетами, городскими сплетнями. Что Одри так переживает за Джуди? Подумаешь... Мужчина есть мужчина, он не обязан быть ангелом. Безвкусица, конечно, что Пол выбрал жену Найджела, но тоже не причина обсуждать это круглыми сутками. Может, Одри сама чувствует себя не вполне защищенной? Может, дело в их сексуальной жизни, которая в последнее время и правда удручала? Но что можно ждать после пятнадцати лет брака? Да, он должен больше уделять Одри внимания. Незаметно в мысли вкралось чувство вины. Естественное для него, но совершенно не типичное для преуспевающего, уверенного в себе мужчины. Джон пообещал себе больше не раздражаться от ее звонков, которые, если посмотреть, вовсе и не морока, а такая милая, прозрачно-наивная хитрость нуждающейся в тебе женщины. Может, ему стоит поговорить с Полом? Может, весь курятник ждет от него именно этого? Вообще-то Джуд очень жалко... Бедная женщина...

Джон любил женщин и сопереживал их проблемам. Женщины более деликатны, противоречивы, поэтому их жизнь гораздо труднее. Он ценил уверенных, привлекательных женщин с яркими характерами, не обязательно сильными, но неординарными. Терпеть не мог въедливых парвеню, карабкающихся по социальной лестнице. Не выносил и не понимал дам, богатых от рождения, которые говорят только о зиме в Давосе, весне на Барбадосе, лете в Довилле и осени в Каннах. Не напоказ, а естественно, потому, что только это и есть их реальность. А за ее пределы выходить незачем. Но это не класс. Класс – это свобода выбора. И умение жить легко. *Keeping it easy. Not trying too hard.* Пыжиться стыдно. Все должно делаться легко, а сколько в это вложено – твое личное дело.

Мысль о пресной сексуальной жизни была неприятна, и Джон запретил себе об этом думать. Да, он виноват. Всегда. Но призраки прошлого не должны отравлять сегодняшнюю счастливую и стабильную жизнь. Он подошел к тренажерам и выключил мысли на ближайшие три часа.

Одри начала субботу с салона. Маникюр и косметолог. Джон пренебрежительно называет все это «примочками», ну и не надо лишний раз ему об этом напоминать. В свои сорок три, на пять лет моложе мужа, она выглядела отлично. Ухоженная с головы до ног, все еще с хорошей фигурой, гладкой кожей. Ну, немножко серебряных нитей в темных длинных, естественно вьющихся волосах. Она знала, что Джон гордится женой. Конечно, ему повезло, это вообще не обсуждается. Но и она не внакладе. Ей все завидуют. Такой мужчина: уверенность, внимание к жене, всегда душа общества.

Секс, что и говорить, удручает. Прошлой ночью она старалась. Ей не хотелось близости, но она старалась, чтоб захотелось. Просто Джон такой одинаковый каждый раз. И все только о себе. Пришлось изобразить оргазм, а что делать? Все равно с ним хорошо, приятно держать в объятиях это крупное, накачанное тело, чувствовать его мускулы, его силу. Но куда делась та искра, которая в первые годы их совместной жизни скручивала тела, ведя их от одного оргазма к другому? Пара с мертвыми для любви телами. Во всем остальном – идеальный брак. Она подумала, как бы все это выглядело, если бы у них были дети. Просто на минутку задумалась об этом и вернулась к разговору с маникюршей.

Подъезжая к дому Джуди на своем «мерседесе» (Джон взял «порше»), Одри предвкушала вид на крепость за рекой и их ланч на террасе. Диета после вчерашних излишеств и зеленый чай. Джуди поставила Buena Vista Social Club. Конечно, музыка – совершенно «вчерашний день», но нельзя же требовать от Джуди невозможного. Как Джон привез этот диск

из Барселоны три года назад, так Джуди все его и слушает. А приятно все-таки, что они с Джоном образец для всего города.

– Как тебе вчера Саймон? – начала Джуди. – Все эти рассказы, как он ездит из одного «Ритца» в другой по всему миру? А Пол сказал, что в прошлом году его чуть не уволили.

– Да ладно, пока он создает Лизе комфорт... Лучше расскажи о себе.

– Одри, я в отчаянии. Не то чтобы из-за этой тощей сучки с двойным подбородком, но Пол даже не пытается изобразить, что у них ничего нет. Вываливает все это дерьмо напоказ. Просто демонстрирует: дескать, ему уже так на меня наплевать, что пусть все видят, насколько наплевать.

– А Джон считает, что у них, возможно, ничего и нет, – соврала Одри подруге.

– Да я просто знаю это. Понимаешь, знаю, что есть.

– Ну и что?

– Я не могу с этим жить. Я боюсь, что он уйдет, и не могу справиться с паникой.

– Стоп. Никуда он не уйдет. Вы женаты одиннадцать лет, у вас двое детей, и Пол их обожает. А этот дом? Да развод его разорит, никакая жена Найджела не утешит. Ради бога, прекрати. Если он уйдет, то только потому, что ты доведешь его и себя до ручки своими истериками. Ты должна быть ко всему готова и каждую минуту драться за него. Но с умом. Как я.

– Да ты Пола с Джоном не равняй. Джон относится к тебе как к богине, как будто он все время в чем-то виноват перед тобой.

«Как будто он виноват? – подумала Одри. – Неужели они считают, что вина цементирует брак?»

– Джуди, твои красные глаза никому не нужны, где твой обычный гламур? Давай лучше поговорим о Швейцарии, уже через две недели мы будем там.

– Я не знаю, я просто в отчаянии. Как это у тебя все получается? Джона вечно нет дома, а ты так уверена, что он только твой.

«Как у меня получается? Невидимая работа. Никто не знает, чего это стоит – поддерживать образцовый брак. Особенно, когда Джона вечно нет. Вечное подтягивание струнок, контроль и еще раз контроль. Это его стиль, это его жизнь и это высечено из камня. Тот уик-энд в Ньюкасле с его родителями... Ужас, конечно. А что делать? Стабильность для мужчины главное».

– Не знаю, Джуди, что сказать. Я просто стараюсь ему угодить, если хочешь. Ему нравятся вечеринки, сборища, езда туда-сюда. Ты понимаешь, чего мне это стоит, но для него я вынуждена это делать.

– Одри, честно говоря, я не уверена, что ты права. Твое маниакальное упорство таскать Джона по развлечениям его просто добивает. Он работает по шестнадцать часов в сутки и летает по шесть раз в неделю. Может, ты перебарщиваешь?

– Джуди, о чем ты говоришь? А я что, не работаю всю неделю? А работаю я, между прочим, с больными людьми, понятно? Это высасывает до конца. Но я ведь Джону не жалуюсь. Зачем ему мои жалобы дома? Ему нужен его фитнес-клуб, его гольф, вечеринки. Мой удел – ему это обеспечивать.

– Как ты все недели одна, уму непостижимо. Когда Пола нет, я чувствую себя разбитой. А у тебя даже нет детей, чтобы было чем занять себя.

– Джуди, ты прекрасно знаешь, что это было решение Джона – не иметь детей. Что я могла сделать? Только искать и искать, чем заполнить его жизнь.

– Ты такая умница. А почему ты так уверена, что у него никого нет в Лондоне?

– Да он звонит мне по пять раз в день! Мне работать некогда.

– Слушай. Я не хочу сегодня в Room at the Top. Опять смотреть на эту сучку. Может, я лучше дома с детьми останусь?

– Снова за свое... Где чай? Мне пора домой. Я должна приехать до его прихода из бассейна. Значит, так. Ты не хочешь, чтобы Пол вешался на других баб, но пусть он лучше идет в ночной клуб один, а ты посидишь с детьми? Так не бывает. Чтоб завтра на гольф пришла в розовой курточке с серыми шортами, ясно? Из коллекции Escada, мы еще вместе покупали. Позовешь няню к детям и сходишь к парикмахеру. Я не требую невозможного.

«Я что, правда, опоздала?», – подумала Одри, паркуя свой «мерседес» рядом с «порше».

– И чего ты меня гнала из бассейна к двум, а сейчас три?

– Прости, лечила Джуди. Ты ел? Может, теперь на шопинг?

– Нет, мне надо поработать.

– В субботу? Тебе недели мало? Я всю неделю тебя ждала.

– Одри, ну, пожалуйста, мне надо кое-что закончить. Всего пара часов. Не капризничай.

– Может, ты и в ресторан не хочешь? Может, прямо сейчас – за работу и так до понедельника, до самолета? Идеальный уик-энд для тебя.

– Ша-а, о'кей? В восемь в ресторан, а сейчас мне надо поработать. Что в этом ненормального?

Джон поднялся наверх, в кабинет, и прикрыл дверь. Одри включила телевизор, подумывая, чем бы заняться. Она увидела мобильник Джона на кухонном столе. Ага... Никогда не лишне подстраховаться. Так, ничего подозрительного: входящие от нее и с офисных номеров, исходящие – всё в порядке. Она щелкнула на эсэмэски. Пусто. Странно, почему он всегда стирает все тексты? Но это не повод для подозрений.

Она всегда проверяла его мобильник, так же как и всё остальное в его жизни. В Лондоне со времен колледжа у нее была приятельница-зануда. Одри уговорила ее сдать Джону крохотную квартирку в полуподвале. Практически темную. Но зачем тратить деньги на жилье, где он *должен* проводить *не больше* двух-трех ночей в неделю? Ежедневно Одри звонила приятельнице, спрашивая, не слишком ли много Джон работает и удастся ли ему вовремя ложиться спать.

В воскресенье на гольфе Джон чувствовал себя разбитым. Пили до трех. Ну да ладно. Он все равно был в отличном настроении, и вся их толпа только что оккупировала стейк-хаус.

– Ну что, Джон, сколько вирусов продал клиентам на прошлой неделе?

– Пол, вирусы только у тебя, потому что ты своими толстыми пальцами не способен нажимать на «блекберри» правильные клавиши.

– Джон, – включилась Лиза, – я тобой просто восхищаюсь. Мой сосед встречает тебя время от времени в Хитроу, и ты вечно со своим маленьким, по правде сказать, уродливым – слышишь, Одри? – «самсонайтом». Одри, почему ты не купишь ему нормальный кожаный чемоданчик, раз уж человек живет практически в самолете? Но сейчас не об этом. Джонни, как ты умудряешься разместить свою жизнь в этом «самсонайте»? У тебя там и шкаф, и офис. Может, ты там и женщин прячешь?

– Один – ноль, – сказала Одри. – Хватит подтрунивать над моим мужем. Он все это сносит, потому что вас любит. И я его люблю. Но это не значит, что вы можете на нем оттачивать свое чувство юмора. Давайте лучше поговорим о Швейцарии.

– Вообще-то я раньше должен был сказать, – пробормотал Пол. – Мы не едем.

– Как не едем? – спросила Джуди, и ее глаза тут же стали краснеть. – Но мы же с июня планировали! Я столько книжек прочла, все запомнила, ну все эти мишленовские путеводители. Они такие полезные.

– Молодец, чтение тебе не повредит, – бросил Пол. – За домашнюю работу «пять». Но я только что узнал – мне надо лететь в Рим как раз в это время.

– Саймон и я едем, – подхватила Лиза, стараясь не смотреть на Джуди. – Саймон сказал, что умирает от желания посмотреть этот замок, ну, как его?.. Ну, где Байрон в тюрьме сидел.

– Лиза, у тебя как с головой? Байрон не сидел в тюрьме. Он написал про одного, который там сидел. Как его имя? Шильон! Я имею в виду имя замка, а не парня, которого туда посадили. Необычайно красив. Замок, я имею в виду. Но парень, может, тоже, кто ж теперь скажет? В общем, он там потом всю жизнь провел, этот парень, которого посадили, а вовсе не Байрон. Чего он мог такого натворить, чтоб пожизненное? Никто не читал? – продолжал Саймон под общий хохот.

Они стали подтягиваться на поле. Этот августовский день – просто чудо для Шотландии. Ни облачка. Зеленые поля типичного для Шотландии свежего цвета даже в августе. И их обычная хорошо одетая, веселая компания. Всё как у всех. Давно Джон так плохо не играл. Все равно здорово. Гольф требовал более серьезных тем, чем замки в какой-то Швейцарии. Парламент просто жалок. Интеллект ниже плинтуса. Либдемы проваливаются раз за разом. А кто не проваливается? Все лучше лейбористов. Новые тори, конечно, поумнее старой гвардии, но они столько напортачили, что доверия им не видать, несмотря на Кэмерона. А кризиса не миновать. Но у нас будет все-таки не так худо, как в Европе. Хорошо, что мы не ввели евро...

В понедельник в пять Джон уже был в терминале. Одри в этот раз его не отвозила – немыслимо рано. Трудная неделя впереди. И сделка с Orange – главное. А потом Швейцария! Целых две недели. Женевское озеро, Эвиан, горы. Хорошо бы взять яхту, иначе от скуки сдохнешь. Неделя в одном месте, это только жены могли придумать. Будут бегать по процедурам. Ну, им это нужно. Зачем он только нагрубил Одри в субботу? Он должен бога благодарить за такую жену и такую жизнь. Все легко, все со вкусом, чудные друзья, и они с Одри всегда рядом, всегда в центре внимания. Чего еще желать? Надо фокусироваться на хорошем и поглощать жизнь, все блюда, которые тебе доступны. Но не теряя уровня, чувства класса. Класс – понятие, которое значило для Джона много. Он вырос в Ньюкасле в обычной семье со средним доходом. Его родители дали ему и брату неплохое образование. А дальше он был self-made man. Вюности много читал. Пока не понял, насколько сложен мир. Когда понял, читать бросил. Газеты и телевизор намного информативнее. Но лучший способ познания мира – общение. Его острый ум мгновенно схватывал детали, огромный опыт общения с клиентами научил отличать признаки настоящего «класса». Все люди, имевшие «класс», обязательно в меру образованны, успешны, уверены в себе, всегда хорошо выглядят. И никому ничего не пытаются доказать, просто стараются быть приятными и не занудными. С ними всегда легко – это главный отличительный признак «класса». Кому нужны рассказы о страданиях и горькие раздумья? Кому нужно вникать во внутренний мир человека? Ненужная и невозможная затея.

Глава 3

В воскресенье, когда Джон играл в гольф, а его друзья изучали биографию Байрона, Анна бродила по Найтсбриджу. Уже больше месяца в этом городе, а он все еще чужой. И ни одного близкого человека. Даже приятелей. Ее работа на топ-уровне международной корпорации дружб не предполагала. Несколько приглашений от коллег на ланчи после переезда – и всё. Анна принимала это как само собой разумеющееся. Она уже прошла через такой же период однажды, вернувшись в Москву из Америки. Тогда ей потребовалось два полных года, чтобы как-то создать свой круг заново. И все-таки, кроме Лильки, школьной подруги, Георгия с женой и Жени – остальные были просто приятели. С друзьями надо расти и идти по жизни. Это как дерево. Нельзя отрезать несколько веток, забрать с собой в Штаты, а потом вернуться в Москву и воткнуть обратно. Чтобы были друзья, должны быть корни. Грустно немножко, но это цена за выбранный образ жизни. А может, она мало любит людей?

Во всем есть и обратная сторона – самодостаточность. Анна никогда не будет так зависима от других, как была зависима ее мать, незаурядная и сильная женщина, которую ее друзья до сих пор вспоминают. Но эта зависимость от людей в последние годы, эти постоянные муки, нужна ли я им, интересно ли им со мной?.. Анна никогда такой не будет.

Она удивлялась, насколько, оказывается, привязалась к Москве. Ее первый переезд в Штаты прошел безболезненно. Она просто оставила прежнюю жизнь и прикрыла за собой дверь. Не забывая эту жизнь, а лишь эмоционально отстранившись. Всегда открытая неожиданным поворотам в жизни, новым вызовам, энергичная и привлекательная, Анна была довольна жизнью. Не всегда конечно. Анна слишком любила думать, чтобы быть счастливой. Скорпион – рефлексии, сомнения, анализ. Они часто заводили ее слишком далеко. Иногда до состояния полного несчастья и вопроса, стоит ли жить.

Анна знала, что восприятие реальности важнее самой реальности. Ее муж Филипп, оставшийся в Штатах после ее отъезда в Москву, всегда понимал Анну, как никто. Ежедневный час телефонного разговора между двумя континентами был ее вариантом семьи. Огромные телефонные счета подтверждали крепость брака. Но ни Анна, ни Филипп не могли представить себе его переезд в Москву. В Америке у него была крепкая журналистская позиция, которую вновь в Москве не выстроишь с нуля, когда тебе под пятьдесят. Сын жил рядом, в Нью-Йорке, с герлфренд. С сыном у Анны сложились потрясающие отношения после того, как были прожиты кошмары тинейджерских протестов. Теперь они обожали друг друга и тоже часами висели на телефоне. Может, она просто никогда не ставила семью во главу приоритетов? Может, она должна была жить в Америке с мужем, они проводили бы больше времени с Борисом? Может, она даже заставила бы себя полюбить его герлфренд. Может быть... Но так, как получилось, было лучше. Свобода, независимость, способность быть счастливой в одиночестве. Разве это не достойный и зрелый выбор?

Анна смаковала предзакатный воскресный час после утреннего массажа, маникюра и прочих процедур. Теперь можно присесть у «Хэрродса», выпить шампанского, покурить и посмотреть на людей. Торопиться некуда. Так хорошо думается в такой мягкий, закатный час. Удивительно, что в Лондоне никогда не печет солнце... Она вспомнила воскресный солнечный полдень в Москве три года назад. Три года и три месяца назад, если уж говорить точно.

У нее была назначена встреча с коллегой из правительства тоже где-то в середине дня и тоже после трех часов, проведенных на процедурах в «Дессанже». Был май, залитая солнцем Маяковка, отличное настроение. После встречи она собиралась на дачу к друзьям и знала, что выглядит сногшибательно в джинсах Versace, темно-синем топе точно в тон и кашемировом пиджаке слоновой кости. Виктор уже ждал на ступеньках французской кофейни

и тут же сделал ей комплимент. Обычное дело. После получаса разговора он проводил ее до машины. Открыв дверцу черного, вымытого до блеска спортивного BMW, Виктор наклонился – он был очень высокий – и чмокнул ее в щеку. Тоже ничего необычного, просто дружеский чмок. Но странным образом она ощутила что-то очень сильное и новое.

Виктор был красив. Высокий, атлетически сложенный, всегда по-спортивному небрежно и стильно одетый, эдакий Джеймс Бонд в исполнении Пирса Броснана. Впрочем, она никогда о нем, по сути, не думала, они были просто приятели. Он с ней не флиртовал, общался всегда по делу и только. Конечно, этот поцелуй ничего не значил. Виктор попросил извинения, что за неделю до этого пропустил ее приглашение на ужин, и спросил, нельзя ли получить обещанный ужин в следующую субботу. «Я помню, ты обещала какое-то особенное вино, которое привезла из Лондона. Если его еще не выпили, я бы пришел». Это было до поцелуя.

За рулем по дороге на дачу Анна все думала про тот поцелуй. Он, собственно, ничего не мог означать. Они притесствуют уже больше года, и никогда никаких попыток подъехать с его стороны не было. Но почему она все думает об этом поцелуе?

Всю неделю она то и дело принималась гадать, позвонит ли Виктор по поводу ужина или нет? Он не позвонил. В субботу звонок раздался настолько рано утром, насколько это позволяли приличия: ровно в десять, минута в минуту. «Актуально ли приглашение на ужин?» Анна понеслась в «Дессанж», потом крутилась перед зеркалом, выбирая, что надеть. Тем не менее она еще не была уверена, что все сама себе не напридумывала – это тоже вполне может быть деловой и дружеский ужин со смачными обсуждениями и сплетнями. Но в солнечном сплетении что-то потягивало. Ровно в семь она услышала звонок домофона внизу и открыла дверь, за которой стоял Виктор с охапкой роз. Все стало ясно.

– Что тебе налить?

– Чуть-чуть виски. А ты что пьешь?

– А вот то знаменитое белое вино, на которое я тебя и приглашала.

– Давай вместе по чуть-чуть виски как аперитив, а вино ты будешь потом.

– Ну, если я начну мешать, это может добром не кончиться, – сказала Анна, в то время как Виктор осторожно обнял ее и начал целовать. – Впрочем, похоже, это уже точно добром не кончится, я как-то не была готова к такому повороту...

Спустя минуту и ее слова, и ее одежда были отброшены за ненадобностью, как ложь, которой требовали приличия.

Это была волшебная ночь, как, наверное, любая первая ночь очень влюбленных и опытных людей. Оба старались дать партнеру как можно больше. Шептали много слов, пили вино, которое Виктор приносил в постель.

– С прошлого воскресенья я грезил о тебе каждую минутку. Не мог отогнать эти мысли и думал только о том, как в постели поцелую каждую клеточку твоего тела.

– А я всю неделю думала, значит ли что-то тот поцелуй.

– Глупо, что мы потеряли целую неделю.

И много, много других слов, обволакивавших ее тело, которое плыло по теплым волнам моря страсти. Ощущение его тела рядом сводило с ума, доводило до экстаза, и были минуты, когда ей казалось, что еще одного его прикосновения она просто не выдержит, так остро все было, так мучительно-сладко. Еще секунда – и она взорвется от этого внезапного нового чувства и мелкими осколками разлетится по комнате.

Наутро Анна сказала себе, что улетать в это нельзя. Ну, была ночь, ну и всё. Но в середине недели Виктор пришел под вечер, и счастье вернулось...

Они встречались еще только два месяца, когда он сказал, что любит, что искал ее всю жизнь.

Они ужинали в «Кантинетта Антинори».

– Я хочу прожить оставшуюся жизнь вместе.

– Это ты так просто, наверное, говоришь.

– Нет, знаешь, каждый раз, когда у меня была новая женщина, наступал момент, когда я спрашивал себя, а как это будет через двадцать лет? Эта мысль всегда была началом конца. Дальше уже будут только повторения. Но с тобой и через двадцать лет я все еще буду познавать тебя. Мне никогда не разгадать тайну твоего магнетизма. Это притягивает и пугает одновременно, ты все время меняешься. Мне страшно не поспеть за тобой и потерять тебя. Я мечтаю осесть с тобой лет через двадцать, скажем, на Гавайях и вместе стариться, и чтобы мы были в одиночестве. Может, я разгадаю тебя. Но и тогда с тобой не будет скучно...

Глава 4

Виктор был женат, его сын заканчивал школу. Он хотел дождаться этого, прежде чем разводиться. К середине сентября Анна поняла, что вообще-то любит впервые. Всё, что было раньше, не шло в сравнение по силе чувства. Она и не представляла, что может так подчинить себя, раствориться с готовностью в другом человеке. Кроме него, ничто не имело значения. Анна благодарила бога за то, что узнала – какая она, настоящая любовь. Это не всем посылается. Только его счастье важно. Потому что это ее счастье. Впервые в жизни она была готова изменяться ровно столько раз, сколько ему это было бы нужно. Она играла с мыслями о том, что бросит работу и станет весь день сидеть дома и просто ухаживать за ним. Это будет каждый день непрекращающегося счастья ожидания того момента, когда она услышит его машину, паркующуюся под окном во дворе, и звук его ключа в двери. С таким счастьем ничто сравниться не может. Он и есть ее мир, за его пределами нет ничего значительного.

После первых месяцев любовной горячки проклюнулись шипы среди роз. Анна приняла Виктора безоговорочно. Он был не простым человеком – уверенный в себе до нахальства, но с глубоко спрятанными комплексами. Всё время испытывающий ее чувство на прочность. Проверяющий силу ее любви. Только он мог решать, когда звонить, когда приходить и как долго оставаться. Он хотел безоговорочного признания этого права за ним. Виктор никогда не строил общих планов, и хотя пару раз они уезжали на выходные, это всегда было спонтанно. Когда хотел он. Они оба обожали лыжи и договорились о пяти днях в Церматте в марте.

За день до отъезда Виктор объявил: «Не могу, на работе кризис». Анна прорыдала весь день над уже упакованным чемоданом, а вечером друг Женька повел ее ужинать, уговаривая «перевернуть эту страницу». Нельзя так вкладываться в человека, так делать не стоит, это плохо для обоих, а тут еще это ему явно не нужно.

Виктор позвонил поздно ночью с правильными словами, просил простить, говорил, как сильно ее любит, как ему стыдно, что он причинил такую боль.

Утром Анна улетела в Церматт одна.

Виктор звонил каждый день, и она решила – как же глупо устраивать истерику, это же бывает: аврал на работе. Она любит мужчину-карьериста, и что тут плохого?

Три недели спустя Виктор повез ее на четыре дня в Сент-Мориц. Конечно, она просто психанула по поводу Церматта. Как глупая обычная женщина...

Случались дни, когда она чувствовала себя несчастной, но они проходили, и Анна снова была счастлива. Она познакомила Виктора со своими друзьями, вместе с Анной он посещал ее корпоративы. Она делала вид, что не замечает, как он тащится от общения с *сreme de la сreme* московского финансового истеблишмента, ее среды. На людях Виктор всегда был безупречен: держал Анну за руку, танцевал, иногда целовал как бы украдкой. О них уже говорили как о паре, а некоторые коллеги решили, что они уже и поженились. Анна думала, что это привязывает его к ней. Виктор не будет валять дурака с московским истеблишментом при своих-то карьерных амбициях.

Через год сын Виктора поступил в университет. «Любимая моя, можешь подождать меня еще год? Пусть он первый курс закончит», – спросил он Анну в сентябре на берегу моря в Сочи, куда они вырвались на выходные. «Что я могу сделать, чтобы помочь тебе?» – спросила она. «Ничего, просто ждать». В октябре ей делали операцию, не страшную совсем. Виктор приходил каждый день, приносил еду, книжки, цветы, развлекал разговорами. Вот это и было доказательством его любви. На Рождество он уезжал кататься на лыжах с сыном, а она отправлялась к своим мужчинам – кататься в Колорадо. Виктор планировал, как они будут праздновать китайский Новый год в шале в Швейцарии. Но конец января оказался

для него сумасшедшим на работе, равно как и февраль и потом март. В апреле он перестал звонить. За четыре недели Анна выплакала глаза, но сама не звонила. Не из гордости, о чем это? Просто знала, что ее звонок ничего не изменит. Виктор всё будет делать по-своему. Она может только ждать. Или не ждать.

Он появился в мае с чувством вины и благодарностью за ее ожидание. У них наступил второй медовый месяц, и Анна была счастлива, что хватило сил дождаться. В июне выехали за город на праздничные дни. Гуляя утром по лесу, она обернулась посмотреть на него. Виктор шел за ней, смотря себе под ноги.

– Ты на что смотришь?

– На твои следы. Ты знаешь, как я люблю тебя?

Сын закончил первый курс. Виктор купил ему квартиру на Ленинском проспекте и забавлялся ремонтом. «Это же понятные мальчишеские игрушки, – говорила она себе, – действительно весело строить квартиру *вместе* с собственным сыном. Быть с ним рядом и показывать, на что способен отец».

Когда квартира была готова, Виктор повез Анну посмотреть. Они стояли на балконе в обнимку, он говорил, как благодарен ей за ее понимание. Она подумала, что отвоевала еще дюйм в пространстве его жизни.

Анна сказала Филиппу, что уходит. Филипп воспринял это лучше, чем она ожидала. Конечно, сначала была истерика. Понятное дело. Ей было очень плохо, что она делает ему так больно. Потом к нему вернулся разум и он сказал, что будет ждать, когда она вернется. Она не чувствовала своей вины. Она дала ему бесконечно много. Эмоционально, духовно, даже финансово. Филипп открыл с ней новый для себя мир, приобрел класс, вкус, широту мышления. Он стал другим, совсем не тем неуклюжим, зажатым мальчиком, которого она встретила на первом курсе. Что он мог еще требовать? В конце концов, ее первый долг – быть счастливой самой. Бог дал ей самую немыслимую на свете любовь. Это благословение. И все, кто ее любит, должны радоваться за нее, видя, как она цветет от этой любви. ВШтатах, когда Анна гуляла вместе с сыном, их иногда принимали за парочку. Разве это не доказательство, что она счастлива?

С каждым месяцем отношения с Виктором становились всё сложнее. Она устала жить в постоянной тревоге. Это изматывало, она теряла веру, что когда-нибудь придет ее время. Друзья Анны страдали вместе с ней, видя ее на грани безумия. Женька и его девушка София вытаскивали ее в клубы и рестораны. Безропотно слушали ее рассказы о Викторе. Анна объясняла им, какая это работа и сколько нужно терпения. Они ни разу не сказали, какую чушь она несет. «Анечка, – говорила София, – ты такая хорошая, ты так заслуживаешь счастья. Конечно, он любит тебя, и ты молодец, что так терпелива. Я совсем не терпелива с Женей, взрываюсь чуть что. Всё будет хорошо, я уверена».

Лучшая подруга Лилька была не так наивна. «Ты знаешь, я смотрю на тебя, а ты ведь и правда его любишь. Разве это не катастрофа так любить мужика? Они все свиньи по большому счету, и, будь моя воля, я бы запретила любовь законом. Чем больше их любишь, тем больше они тебя убивают. Это не вина их, а просто природа. Ты разве не видишь, что эта любовь тебя убивает? Понятно, послано богом, понятно, счастье. Только почему ты плачешь всё время? Конечно, твое время обязательно придет. Если только он не полный козел. Но ведь ты не полюбила бы полного козла, правда?» Анна сидела на диване, уткнувшись подруге в колени, и рыдала. Она никогда не плакала столько, как этой их последней осенью и зимой.

На день рождения Анны Виктор повез ее в Питер. Еще кусочек счастья. Невероятно, как он умел дарить его, когда хотел. Номер в отеле «Европа» был уставлен к их приезду цветами и шампанским. Виктор подарил ей изящную золотую зажигалку. Закутав Анну в плед, он выводил ее на террасу, сажал к себе на колени, и они любовались звездами на ночном небе. Анну не оставляло ощущение, что Виктор – машина, включающая и выключающая

свои чувства. Она знала, что по приезде он опять запрет свое сердце на замок, не пуская ее в собственную жизнь.

В конце января пришел кризис. Как всегда, она приготовила ужин, зажгла свечи. Он сказал, что *на следующий* день уезжает с сыном в горы, кататься. Впервые Анна пыталась найти, но не находила ни одной причины, почему опять должна это стерпеть. Она не хочет разрыва, но ведь она должна сказать, что чувствует, когда раз за разом он скармливает ей это дерьмо. Никогда не прицеливайся, если нет готовности нажать курок. Если она сейчас ничего не скажет, заслужит того, чтобы он разрушил ее окончательно.

– Виктор, я могу сказать тебе, что чувствую?

– Конечно, моя любимая.

– Я очень тебя люблю. Ты это знаешь. Я это доказала тебе за три года. А ты меня любишь?

– Конечно. Я никогда не утверждал обратного.

– Тогда ты должен знать, как именно я себя чувствую. А чувствую я себя скверно, правда. Я не пыталась и не пытаюсь тебя изменить. Это и невозможно, да и я люблю тебя именно таким, каков ты есть. Тебе хочется покататься с сыном, это нормально. Но раз так, то мне будет гораздо легче, если скажешь, когда ты поедешь со мной, где мой утешительный приз. Ты работаешь и можешь исчезать из моей жизни на недели, когда у тебя «идет полоса». Даже это нормально, но мне легче будет тебя ждать, если ты позвонишь всего раз в день, чтобы просто сказать одно теплое слово.

– Я знаю. Ты права. Я буду очень стараться.

– Да, мне кажется, тебе надо начать стараться. Ты знаешь, я могу стерпеть всё, но мне нужно всегда чувствовать, не знать, а чувствовать, что ты меня любишь. Мужчин «без любви» я могу найти миллион. Ждать я могу только тебя, но у меня есть свой нижний предел, за который даже тебе я никогда не позволю себя столкнуть.

Она говорила это спокойно, с нежной грустью, а он гладил ее волосы, винился, что, правда, сел ей на шею, и все будет по-другому, и они обязательно в конце февраля поедут в его любимую Италию. А ближе к лету надо съезжаться, он действительно всё как-то затаял мучительно для всех.

Анна улетела в командировку в Лондон как раз за день до его возвращения в Москву. Он позвонил только два дня спустя:

– Судя по гудкам, ты опять в Лондоне?

– Да. Как покатался?

– Отлично. Ты когда прилетаешь?

– Завтра.

– Я встречу тебя в аэропорту.

– Как здорово! Мне захватить шампанское в duty-free?

– Мне всё равно, честно говоря. Я просто хочу тебя видеть. Целую. Текстани, когда пойдете на взлет.

Она всю ночь проворочалась в постели в Four Seasons. «Он действительно думал, пока катался. Как правильно, что я всё ему объяснила. Я терплю и терплю, откуда же ему знать, что он со мной творит? Он же не ясновидящий. С завтрашнего дня всё будет по-новому. Он слишком рационален и умен, чтобы отпустить ее. Люди не расстаются с такими ценностями».

Самолет сел, и Анна устроилась в ВИП-зале, спокойно ожидая, когда ее мужчина придет за ней. Виктор вошел стремительно, увидел Анну и просветлел лицом. Но она чувствовала его напряжение. Это всё работа и жуткий трафик. Скоро пройдет. Он схватил ее сумку, и они пошли к машине.

В салоне было еще тепло, но Виктор достал плед и укутал ее. Он ехал медленно, напряженно всматриваясь в дорогу. Понятно – страшный гололед с дождем. Он интересовался ее проектом, слушал, задавал вопросы, потом, как всегда, пустился рассказывать о войнах в его конторе. За три года Анна уже знала эти рассказы наизусть. Но ей не надоедало слушать. Иногда, правда, она спрашивала себя, а есть ли у Виктора хотя бы еще один слушатель, кроме нее?

Глава 5

С их первой ночи Виктор понял, что с ним происходит что-то новое, ранее неизвестное. Выросший в академической семье интеллигентов, отгораживающихся от реальности, он унаследовал внешность отца, который и подсемьдесят всё еще был красив, а открытость миру и людям – от матери. Но он взял от родителей и все их академические условности. Безграничная смелость мышления и жесткие рамки действий – это был его крест по жизни. Типичный образец Весов, он взвешивал все «за» и «против», каждый шаг так, что это мешало действовать. Он рано женился, быстро поднялся до какого-то приемлемого уровня и скоро превратился для жены просто в пиджак, который всегда висит в шкафу на месте. Вернее, даже в карман пиджака, куда надо сунуть руку перед походом в магазин. Об этом он не думал, его это устраивало, ибо не требовало действий. В мыслях он проживал много разных сценариев, но менять что-то – это было за пределами лимитов, которые Виктор сам себе установил. Он не считал себя несчастливym. Его Марина – неплохая жена и мать, в доме порядок. Правда, сына она воспитывала не так, как Виктор считал бы правильным, да лень было спорить. Марина легко взрывалась время от времени упреками, но он отключался. Знал: он – главный хотя бы потому, что сам решает, что слушать, а что нет, и верил, что свободен. В других семьях всё точно так же, только Виктор свободен, а другие – нет. Он никогда не вступал в пререкания с женой.

Когда он впервые увидел Анну в рабочей обстановке, она произвела на него сильное впечатление. Он никогда не встречал настолько профессионально состоявшуюся женщину, которая при этом была беспредельно, вроде бы, помимо своей воли, женственна. Она была естественно грациозна и, казалось, даже не понимала, какую власть дает ей ее женственность. Виктор наблюдал за Анной месяц за месяцем почти год, прежде чем решился на тот первый поцелуй воскресным днем. Но и тогда он не был уверен, есть ли у него шансы.

Их роману не было и месяца, когда он утвердился в мысли, что Анна – та самая, его женщина. Ему было некомфортно чувствовать себя стоящим чуть ниже ее на социальной лестнице, но он видел, что она о таких вещах не думает. Подобное не имело для нее значения, она обращалась со всеми – со своими помощниками, госчиновниками, олигархами – совершенно одинаково: прямо, весело и слегка отстраненно. Это шокировало, потому что Анна ежеминутно нарушала все установленные правила. Виктор не был уверен, в чем именно ее глубинная сущность, естество, и эту загадку разгадать было непросто. Она легко зарабатывала деньги и так же легко их тратила, отдавала просто так друзьям. Шла по жизни с улыбкой и беспечностью – или так ему казалось? Сопротивляться этой магии было невозможно. Легкость, с которой он завоевал ее, его не разочаровала и не разрушила интригу. Потому что, отдавшись ему легко, она при всей своей неординарности тут же признала его собственную уникальность. Ей не нужно было от него ничего, кроме его любви, и ее доверие оказалось безграничным доверием женщины, которая сама источала успех и гламур.

Она называла Виктора «мой бронзовый Цезарь» частью из-за его классического профиля, частью потому, что считала его сильным и покорила его власти над ней. Когда Анна произносила это, у Виктора ёкало сердце в страхе, что однажды она может увидеть его по-иному – обычным, умным, иногда нахальным, но часто не уверенным в себе человеком. И посмеется над осколками разбитой статуи.

В этом и таилась интрига. Сначала завоевать, потом заставить поверить, что именно он – ее бог. В ее обожании он черпал силы и компенсировал всё, чего никогда не получал ни от жены, ни от других женщин. Он испытывал ее на подлинность день за днем и не слышал фальши.

Поездка в Сент-Мориц была сказочной. Они лениво катались по средней трудности трассам, хотя он видел, как ей хочется чего-то более вызывающего. Но она растворилась в его ритмике и просто каталась легко... Не напрягаясь и не напрягая его. Она восхищалась, как Виктор выглядит, сидя на солнце раздетым до пояса, с сигаретой в руке, говорила, что он открыл ей новый мир – горнопляжный, а не горнолыжный. Они возвращались с горы рано в «Сювретта Хаус» и наслаждались покоем в своем съюте, принимая вместе ванну и попивая розовое шампанское.

Виктор блаженствовал. Он расхаживал по номеру, рассказывая свои «военные истории» и рассматривая Анну, которая лежала на диване в белом махровом халате, открывавшем кружевное белье и стройные, великолепные ноги. Он кормил ее яблоками с руки, кусочек за кусочком, не спеша, и так же неспешно и нежно прижимал к себе, раздавливая ее своим весом и наслаждаясь ее открытостью всему, что он хотел с ней делать.

Это было удивительным даром Анны – так суметь раствориться в нем, что он уже не понимал, где кончается его тело и начинается ее. Это было больше, чем секс, полное слияние. «Почему? – был единственный вопрос, который не давал ему покоя. – Почему она так меня любит?»

В последнюю ночь перед отъездом они пили шампанское в комнате после ужина. Было около полуночи, Виктор сидел в кресле и чувствовал, как это беспокойство перерастает вудушающий страх. Он схватил ее грубо за плечо, посадил к себе на колени и стал трясти:

– Скажи мне, что ты никогда не уйдешь от меня.

– Ты сам знаешь, что не уйду. Откуда у тебя такие мысли?

– Мне страшно. Мне, правда, страшно, я боюсь тебя потерять. Молчи. Я знаю, что потеряю тебя. Я не хочу этого, но это случится. И тогда моя жизнь кончится.

– Виктор, мой единственный, мой Цезарь, пожалуйста, не говори так. Ты знаешь, что я только твоя, и всё сделаю, лишь бы ты был счастлив. Ты мне не веришь?

– Нет. Я знаю, что ты меня любишь. Но я также знаю, что ты бросишь меня. И мне от этого не спастись. Не бросай меня, пожалуйста, на этом моя жизнь кончится.

Виктор не осознавал, что плачет. Он рыдал впервые со времен раннего детства. Понимал, что это жалкое зрелище, но не мог остановиться, зарываясь головой в ее плечи и грудь. Он сжимал ее, как будто хотел раздавить. Он знал, что Анне больно, но она никогда не останавливает его. Знал, что в этот момент она думает только о том, как дать ему сил и уверенности. Знал, что никакой он не Цезарь и даже не Джеймс Бонд, а просто мальчик, который вцепился в маму, чтобы не пустить ее на работу и не оставаться одному.

– Я потеряю тебя. Рано или поздно это случится. Ты понимаешь, что ты – всё для меня? – повторял Виктор опять и опять, не в силах выразить, что именно его мучает.

Ему нужно было ее сострадание, но не меньше – ее признание: да, она понимает, что он ее не заслужил, но любит всё равно. Анна же прижималась к нему всем телом, грациознее и красивее, чем когда-либо, и страдала. Но это приносило ему лишь новую боль: рано или поздно она поймет, как он не заслуживает ее.

Наутро Виктора охватил стыд, он не знал, что сказать Анне, как посмотреть на нее после ночной истерики. Но она чистила зубы в ванной и что-то напевала. Повернулась к нему и улыбнулась: «Как я тебя обожаю, ты как раз проснулся вовремя, к завтраку».

После завтрака они сели в лобби с чемоданами, ожидая машину.

– Почему мне так легко с тобой?

– Потому что я просто люблю тебя.

– Эта поездка была сказкой. Я наслаждался каждой минутой. Я так благодарен тебе за нее. Ты редкое создание. Получаешь радость просто от того, что ты есть.

И вдруг на подъезде к аэропорту все прошло. Не было прошлой ночи, этого наваждения. Он просто устал. Он хотел домой, в свою скорлупу. К своей жене, сыну, собаке, в свою

трехкомнатную квартиру с диваном в кабинете, к двум компьютерам и тремстам CD. Все это он ненавидел. Но еще сильнее он ненавидел себя и Анну. Он не мог простить ей, что она чуть было не разрушила его мир, что заставила его плакать этой ночью, что так добра к нему. Он знал, что ночью говорил правду и что, не признаваясь ему в этом, она понимала его страх. И за это понимание он ее тоже ненавидел. В самолете они молчали.

Виктор нашел свою машину на парковке, молча отвез Анну домой, занес в квартиру ее вещи, поцеловал и ушел. Он не знал, что ему делать с ней, со своей жизнью, со своим будущим. С женой, сыном, родителями, квартирами, дачей, двумя машинами и собакой. С тех пор он просто очень медленно закрывал за собой дверь...

Прошло полтора года, и сейчас он двигался по грязному снегу в потоке машин.

Анне становилось не по себе. Напряжение Виктора не спадало. Они говорили о том о сём, она уверяла себя, что всё нормально. Он приехал за ней в аэропорт, что было редким подарком само по себе, сейчас они доедут до «дома с львами», поднимутся, поужинают, он прижмет её к себе, и всё станет на свои места. Главное – думать о хорошем. Но она чувствовала, глядя в окно на унылый пейзаж Варшавского шоссе, что устала от трехлетней битвы за Виктора.

Они поднялись в квартиру, Анна зажгла свет, притушила его диммером, а Виктор, как обычно, уселся за барную стойку с сигаретой.

– Мы что выпьем, шампанского или виски?

– Ничего.

Это было так же ясно, как розы в их первый раз. Но она не хотела еще сдаваться. Она поцеловала его.

– Ты не хочешь выпить, не хочешь меня поцеловать. Ты как будто меня разлюбил.

– Ты знаешь... – он помедлил, – боюсь, что так и есть.

«Слово сказано, кувшин разбит». Анна чувствовала странное спокойствие, и ей только хотелось доиграть эту мизансцену до конца. Она налила себе виски и села за стойку напротив него, лицом к окну. Посмотрела в окно, потом на Виктора, прямо ему в глаза с улыбкой и неверием:

– Я не поняла тебя.

– Я сказал, что не люблю тебя, что мы не поженимся и не будем вместе, о чём мечтали три года.

Анна понимала, что это сказано под дулом пистолета, который она навела на него две недели назад. Она улыбалась тому, как, в сущности, всё незатейливо. Смотрела в окно и улыбалась тому, что он всё еще рядом с ней, и вспоминала день за днем все три года...

Виктор чувствовал себя кошмарно. Он готовился к слезам, упрекам, даже к истерике. Анна улыбалась, это казалось безумным, а он себе казался скотом. Эта женщина так и останется загадкой. Он не мог молчать и стал произносить слова, которые говорить не собирался:

– Моя хорошая, прости меня. Я плохо к тебе относился в последнее время. Ты всё терпела, и я знал, что ты всегда будешь довольствоваться тем, что я могу тебе дать. Но я ничего уже больше не могу тебе дать. Прости меня за это.

Анна молчала и смотрела на него с еще большим неверием, с невозможностью поверить в то, что он говорит. Всё еще продолжая улыбаться с сожалением. Виктор встал, обогнул барную стойку, подошел к Анне со спины, чтобы не видеть ее глаз, обнял, стал гладить по волосам. Она застыла, не отстраняясь и не делая движения навстречу.

– Виктор, мне так тебя жаль. У меня сердце разрывается от боли за тебя. Что ты делаешь со своей жизнью? Ты раз в жизни нашел, что искал, и испугался просто поднять это с земли. Я не знаю, как тебе помочь. Я хочу, но не знаю как.

Это было уже за пределами того, что он мог вынести. Она скорбела о разрушенной жизни. Его жизни, а не своей.

– Я пойду, наверное.

Она сидела, уставившись в окно. Пепел вот-вот должен был упасть с сигареты. Анна улыбалась, глядя на белые крыши Нового Арбата. «Вот оно, белое одиночество». Но он еще был рядом, и она улыбалась этим последним минутам счастья с ним.

Виктор направился к двери. Анна встала, ей было нехорошо, подступила тошнота, закружилась голова. Но надо было держать себя в руках. Она добрела до софы. Виктор еще раз взглянул на нее, взял дубленку и тихо прикрыл за собой дверь. Анна вцепилась в софу и потеряла сознание.

Через полчаса, придя в себя, она подумала, как было бы хорошо пролежать в обмороке сутки. Или лучше месяц. Чтобы не чувствовать боли. Она набрала номер Жени – автоответчик. Потом Лильку:

– Он ушел от меня, – прорыдала она в трубку.

Но Лилька принимала гостей на даче, и они уже выпили, а на улице гололед.

Через полчаса приехала Наташа с дочерью. Анна опять сидела на барном стуле и пила виски. Они проговорили до ночи, а Анна все смотрела в окно. Наташа осталась ночевать, а дочь уехала.

Наташа заставила Анну раздеться: та все еще была в наряде для самолетов – белоснежном топе, красном свитере Burberry и джинсах, заправленных в узенькие сапоги Chanel. Наташа натянула на Анну пижаму, затолкала в нее две таблетки транквилизаторов и погасила в спальне свет. Она прилегла на диван в гостевой спальне и всю ночь вставала к Анне, которая то и дело кричала.

На следующее утро к Анне приехала Таня и пробыла у нее весь день. Было воскресенье. Анна чувствовала вокруг только холодное море боли. За воскресеньем пришел понедельник, и надо было идти на работу.

Это был день святого Валентина, как нельзя кстати. Андрей, ее добрый приятель, позвонил и пригласил в ресторан.

– А ты что, не пойдешь с Олей? – спросила она.

– Я тебе сегодня нужней, чем Оле.

За ужином Анна говорила без умолку. Ей хотелось выплеснуть всю боль, казалось, что, если она произнесет тысячу раз, как ей больно, боль отойдет.

Во вторник она не смогла пойти на работу. Приехал Павел, личный врач, заставил ее что-то приготовить. Они вместе поели.

Две недели то чуть отпускало, то снова скручивало. Она знала наверняка только две вещи. Первое, что больше не может жить, и второе, что не может убить себя. И ничего в промежутке. Это было странно – неужели действительно ничего между этими двумя опциями не существует? Анна думала об этом часами. «Как, в сущности, в мире мало выбора! А где же безграничность мира? Вот только две возможности: либо жить, либо не жить. И обе – мнимые сущности».

Она ослабела, стала кашлять, и почему-то всё время болел живот, как будто там сидела пуля. Бродила целыми днями по пентхаусу в пижаме и свитере. Смотрела в окно. Девчонки приезжали каждый день, пытались кормить, привозили фильмы. Она ела, не прекословя им, смотрела с ними кино, смеялась.

Каждое утро, просыпаясь в спальне и глядя на лепной карниз за окном, на голубей на балконе, она не могла понять, что делать дальше. Так прошел месяц, потом стало легче, она начала ходить на работу, снова проводить совещания, рассказывала про страшный вирусный грипп, сваливший ее. Стала снова посещать салон, причесываться и делать маникюр. Она верила, что все проходит, что она справилась, и была горда этим.

Филипп повез ее в горы. Он прекрасно понимал, что произошло, и, если она хотела об этом говорить, он ее слушал. А если нет – просто катались. Они достигли известного

мастерства за эту поездку: катались исключительно off-piste. Летали по ледяным вертикалям – там только одно такое место. Однажды Анна упала в реку и ушиблась головой о камень. Хорошо, что была в шлеме. Филипп вытащил ее всю мокрую, они смеялись, что все обошлось. Они вместе снова и снова бросались вниз с горы, Анна всё раздвигала границы и с каждым днем каталась всё рискованней. Она чувствовала, как к ней возвращается разум.

Через два месяца Анна получила предложение работать в Лондоне. Это было спасением. Не только от Виктора. Ее босс занялся вливанием в банк «свежей крови». «Свежая кровь» была невежественной и провинциально настырной. Атмосфера в банке менялась с каждым днем. По совокупности... Анна приняла новое предложение не колеблясь.

Ее прощальная вечеринка прошла с успехом. Пришли все, и было весело. Анна сидела с разбитым сердцем и видела, что жизнь сломана. Почему? Она никогда не была близка с коллегами, чтобы грустить о разлуке с ними, у нее были все причины уехать из Москвы. Впереди маячили новые задачи, новые вершины, которые предстояло покорять. Она будет ближе к сыну – всего семь часов лёта. Почему ей так грустно? Она плакала всю ночь после своей вечеринки. Она плакала в аэропорту, куда внезапно приехали – с мужьями и детьми – обе ее помощницы, и Филипп всех поил шампанским. Она плакала всю первую неделю в Лондоне, пока понемногу не втянулась в работу. Она всё еще была очень больна.

Закатный час на террасе «Ля Дюре» подходил к концу. Анна очнулась от мыслей и испугалась, как далеко позволила себе зайти. Ни к чему разрывать могилы. У нее был Виктор. Он был ее единственной любовью. Потом он умер. Нет иного возможного способа смотреть на всю эту ситуацию. Теперь надо жить. По крайней мере, никто уже не сможет разбить ей сердце. Сердце не разбивается дважды.

Стало холодно, солнце село. Она с досадой подумала, что пора домой. Как было бы здорово сейчас в Москве – они с Женькой, Софией и всей шайкой наверняка сидели бы в ночном клубе. Суббота же.

Анна прошла пару кварталов до «Харви Николс» и решила еще выпить бокал шампанского, чтобы не идти домой. «Странно, почему бриты называют розовое шампанское «пинк», а не «розе», как будто это поросенок, а не шампанское. У Лондона есть, по крайней мере, одно бесспорное достоинство – тут женщина может одна сидеть в баре сколько захочет, и никому это не покажется странным».

На следующий день у нее была первая встреча тет-а-тет с президентом банка. Тот был сдержан на грани неприязни. Он чувствовал угрозу, исходящую от этой женщины, одетой как модель, с острым язычком и гибким умом. Он видел, что она не побоится отстаивать свои позиции. Не конформистка. Это было примерно правильное прочтение. Ее новая работа являлась политической по своей сути. Анна помнила, что политика – это всегда игра. В ней нельзя проиграть, если не принимать ее всерьез и не считать поражение окончательным. Игра требует усилий и профессионализма, но это всё равно понарошку. Тут на кону нет ни настоящих денег, ни людских судеб. Она вспомнила Виктора, который всю жизнь играл в эту игру. Но в какой-то момент забыл, что это – понарошку, и игра стала для него важнее реальности. О боже, она же дала себе слово больше не рефлексировать! Она будет играть в эту игру. Легко... Теперь главное – найти постоянную квартиру. Где-нибудь в Найтсбридже. Дорого, конечно, но зачем ей зарабатывать столько денег, если их нельзя тратить со вкусом? Хватит депрессий и рефлексий! «Я должна научиться быть счастливой в Лондоне».

Глава 6

Джон давно знал, что этот день будет крайне важен, может быть, изменит его карьеру. Вторник, семнадцатое августа. Сегодня он должен, наконец, добить Orange, который в очередной раз занимался синхронизацией своих систем с Францией. Джон знал истинную цену софту, который продавала его компания уже почти по всему миру, – продукту, в особенности ценному при всевозможных новых шлюзованиях. Компания может на этих стыках потерять или сэкономить целую кучу денег. Аккуратность в передаче данных, аккуратность в биллинге, в стаффинге колл-центра. Всё это ему предстояло объяснить Orange.

Джон готовил эту сделку уже несколько месяцев, и он не даст им отползти. Завтра к вечеру он их добьет. Сегодня они будут работать допоздна. В сотый раз вылизывать финансовую презентацию, уже обсуждавшуюся с клиентом двадцать раз, снова поэлементно доказывать экономию издержек, простоту технических решений. Его менеджеры бегали с листочками, а он все правил и правил. Юристы работали над очередной версией контракта. К десяти они, наверное, всё закончат, и он пойдет спать.

Утром Джон был свеж, полон энергии и в прекрасном настроении. Они в последний раз просматривали документы, когда вошла его секретарь и сказала, что Orange отменил встречу. «Твою мать», – сказал Джон и схватился за телефон. Оказалось, положение не так трагично. В Orange все пошло на самый верх, и требовалась еще неделя. Но, как сказал по телефону его визави, с которым они за месяцы почти сдружились: «Принципиальное решение уже принято, не волнуйтесь».

Внезапно возник почти полный свободный день, но Джон был слишком сфокусирован на сделке, чтобы переключиться на что-то новое. Он решил, что заслужил полдня безделья.

Он отправился домой пешком. Принял душ, снял темно-синий костюм и ненавистный галстук Armani, переоделся в джинсы и любимый темно-желтый заношенный блейзер. Выйдя из дома, прогулялся по Холланд-парку, потом вошел в Кенсингтон Гарденз и по затененной аллее направился на восток. Теперь уж и не припомнить, когда в последний раз он мог позволить себе роскошь просто бродить по парку в разгар рабочего дня. На часах было только четыре.

Джон дошел до Серпентайн и долго смотрел на лебедей в пруду. Вокруг гуляли, бегали трусцой и катались на велосипедах и роликах. Люди жили своей обычной жизнью. Он уже подзабыл, что и в рабочий день, если только есть намек на солнце, Гайд-парк полон народом. Джон подумал, что было бы неплохо выпить. Огляделся – наверное, лучше всего пойти в «Харви Ник» и посидеть «на Пятом». В августе в это время там будет пусто.

В полшестого он заказал бокал шардоне. Охлажденное белое вино – как раз то, что ему было надо после солнца. Нет, точно не виски. В крови всё еще бурлил адреналин несостоявшейся сделки. Джон спросил себя, почему именно сегодня Одри не позвонила ему ни разу? Она не могла забыть про сделку. Но не позвонила. Он посмотрел на парочку в углу бара за низким столиком и подумал, как это смешно, что они одновременно и обнимаются, и запихивают в себя огромные сэндвичи, запивая их каким-то жутким красным коктейлем. Если это романтическое свидание, чего они так навалились на еду?

Без четверти шесть он заметил, что справа от него села женщина. Она взялась сначала за спинку стула рядом с ним, потом, чуть помедлив, села на один стул дальше. Именно это движение привлекло внимание Джона. Он пил вино, незаметно наблюдая за ней. Деловая женщина, лет так тридцать семь – сорок. Привлекательная, виден класс. Одета в джинсовое платье с низким вырезом и бледно-желтый шелковый пиджачок, дорогие массивные золотые часы украшали тонкое, породистое запястье. Декольте демонстрировало покрытое ровным умеренным загаром ухоженное тело. Изящные щиколотки – еще один признак

породы, черные босоножки на платформе. Мелированные волосы и беспорядочно-модная короткая стрижка. Когда она потянулась за пепельницей, Джон отметил кожаный лейбл Dolce&Gabbana на заднем кармане платья. Женщина выудила сигарету из рюкзачка Louis Vuitton с монограммой и заказала розовое шампанское.

Классная девочка. Что она здесь делает? Ошивается в поиске знакомства? Она болтала с барменом. «Какой-то славянский язык, – понял Джон. – Русский, возможно». Не то чтобы она его заинтересовала, но он заказал еще бокал шардоне. Вскоре и женщина попросила второй бокал шампанского. Она тоже разглядывала людей в баре и пару раз скользнула взглядом по Джону. Зазвонил ее телефон, и она стала говорить по-английски, очень бегло, но с акцентом. Потом принялась что-то писать на блекберри. И совершенно неожиданно для Джона – они сидели почти рядом уже более получаса – повернулась к нему:

– Ну и день! Посмотрела сегодня восемь квартир, и всё такая дрянь, и так дорого. Ну и город! Всё вдвое дороже, чем в Америке, и, даже если ты готов платить, взамен не получаешь качества.

– Вы что, недавно переехали в Лондон?

– Два месяца назад.

– И где вы ищете квартиру?

– Примерно в этом районе, я имею в виду район Найтсбридж.

– А что вы делаете в Лондоне?

– В банке работаю, что здесь еще можно делать?

– А откуда вы?

– Из России.

– Я так и думал. Я был в России один раз, мне Москва понравилась.

– Да, город, конечно, необычный. Я скучаю по нему. А что вас привело в Россию?

– Бизнес с вашим основным телекомовским концерном.

– Как говорится: «Из всех пивнушек всех городов мира, почему она зашла именно ко мне?», помните? Я имею в виду, мир тесен. Просто владелец концерна мой друг. Нет, не друг, просто я его знаю давно. Это умнейший из всех российских бизнесменов, если меня спросить.

– Не знаком, но охотно верю.

Они болтали и болтали. Легко... Джон немало знал о России, и не только о «Челси», и они сплетничали об олигархах. Она не хвасталась именами, это был естественный легкий разговор, в любом случае интереснее, чем о погоде. Она сказала, что ей не нравится Лондон, трудный город для жизни в сравнении с Москвой, не говоря уже об Америке.

– А вы жили в Америке?

– Да. Пять лет.

– А потом вернулись в Россию. И чем занимались?

– Инвестбэнкинг, проектное финансирование.

– Нравится?

– Честно говоря, да. Хотя, конечно, тяжелый хлеб. Но это не обсуждается.

Джон любил знакомиться с новыми интересными людьми. Плюс Анна – так ее звали – была сексуальна и с хорошими манерами. Она говорила уверенно, но не напоказ, не пускаясь в объяснения, как будто ей было не важно, правильно ли он ее понял и что думает по этому поводу. Приятный английский с мягким акцентом. Во всем этом была искра какого-то смутного вызова: «Мне всё равно, что вы обо мне думаете. Мне просто приятно поболтать. Пока». Какой-то невыразимый шарм, бесконечная женственность. Время от времени она вроде как смущенно взъерошивала волосы и смотрела на него с вопросительной смущенной улыбкой, как бы говоря: «А это ничего, что я тут разболталась с незнакомым человеком?» Он вдруг понял, что она старше, чем ему показалось. Да, девчоночья фигура, на лице ни мор-

щинки. Но выдавали глаза, так много повидавшие. В них было знание всего, что только есть на свете. Они вносили некоторый диссонанс в ее облик. Он прямо спросил ее о возрасте:

– Сорок два, – ответила она легко.

Тут он заметил пакет «Харви Николс» рядом с ее рюкзаком. Она проследила его взгляд.

– Знаю, знаю, что вы подумали: «Она покупает еду в «Харви Нике», какой снобизм». Просто так случилось, что я оказалась поблизости. И я одна в этом городе. Сколько я могу сэкономить на еде?

– Резонно.

– Мне пора. – Она попросила счет.

Джон потянулся и взял его.

– Можно я?

Ему понравился ее ответ, не игривый, а просто оброненный:

– Вы уверены?

– Уверен. А у вас случайно вечер не занят? Может, вместе поедим?

– Мне хочется домой. Но спасибо за приглашение.

Выйдя из магазина на улицу, он замахал кэбам.

– Нет, спасибо, я живу напротив. Десять минут ходьбы через парк.

– Но вы же не можете идти по парку в темноте?

– Почему нет? Я всегда так хожу.

– Тогда я вас должен проводить.

– Это совершенно не нужно. Я знаю дорогу, и это безопасно.

– Нет, я настаиваю. Давайте считать, что мне просто хочется с вами пройтись.

– Ну, было бы неприлично отказать...

Анне не хотелось больше говорить о России – как будто она провинциалка и нет других тем. Почему-то она всю дорогу говорила о Диане, Чарлзе и Камилле. Они не заметили, как дошли до ее дома.

– Мне хотелось бы увидеть вас еще, Анна. Можно попросить ваш номер телефона? Я уезжаю в конце недели, но вернусь в Лондон где-то в середине сентября.

– Я буду в командировках почти весь сентябрь.

– Ну что, договоримся встретиться в конце сентября? Мне, правда, было интересно с вами болтать.

– Спасибо, мне тоже, – ответила она, протягивая ему визитную карточку. – До свидания.

Он наклонился и чмокнул ее в щеку. Она взбежала по ступенькам высокого крыльца, открыла дверь и зашла в лифт, не оглянувшись. Джон посмотрел, как лифт проглотил ее стройную фигурку, и пошел вдоль Бэйсуотер-роуд, думая, где бы перекусить.

«Приятный парень, не слишком выдающийся, по крайней мере, хоть одно знакомство в Лондоне, и он вполне космополитичен, не квадратно-британский. С ним легко... Он точно позвонит, это понятно. Хорошо, что живет в Эдинбурге, а не в Лондоне, будет приятно и совершенно не обременительно время от времени с ним встречаться. Ну, конечно, если он таки позвонит и если вторая встреча не будет разочарованием». Много «если». А послезавтра длинный уик-энд, и она опять совсем одна в этом городе.

Она снова подумала о маме – как было бы здорово сейчас позвонить ей, рассказать о квартирах, о новом знакомстве. Но мамы не было вот уже почти семь лет. Как была бы счастлива мама пожить с ней вдвоем в Лондоне. «Как несправедлива жизнь», – подумала Анна. Сейчас у нее куча денег, и она столько могла бы дать маме, чтобы сделать ее жизнь веселее и интереснее.

Их первый визит в Лондон вчетвером, всей семьей, вспоминать было особенно мучительно. Они ходили часами по городу пешком, экономя на такси, и ели в самых дешевых ресторанах. Насколько больше она могла бы дать маме сейчас. Смерть. Все можно еще изменить, но не это. Она никогда больше не увидит маму, не поговорит с ней. Неужели она сама думала о смерти лишь несколько месяцев назад? Дикость. Как это было бы жестоко по отношению к сыну. Борис никогда не будет так близок с ней, как она была близка с матерью. Но это нормально. У нее есть время подготовиться к одиночеству старости. Ну, до этого еще далеко.

Анна чувствовала себя максимум на тридцать пять, и впереди была интенсивная жизнь, тем более что она проживала каждую минуту по многу раз. Один раз в реальности и много раз в рефлексиях. И все время одна. Она вспомнила, как в феврале смотрела на белое безмолвие Москвы, слушая Виктора, как видела свет в окнах, за которыми текла чужая интересная жизнь. Не ее жизнь...

Глава 7

Джон был заинтригован. Он нашел местечко в пабе и заказал стейк. А было бы здорово, если бы Анна согласилась с ним поужинать! Он знал, когда приглашал, что она откажется, но всегда интересно проверить, насколько далеко женщина готова пойти. Смотрела на него своими глазищами, полными провокаций, и сохраняла дистанцию. Вежливо и с безупречными манерами. Делай любые выводы. Не возмутилась по поводу прощального поцелуя, когда он почувствовал запах ее духов, который привел его почему-то в странное возбуждение. И легко дала номер телефона. Но только на визитке, что обезличенно. Джон уже чувствовал загадку в этой женщине. Эти невинные глаза и чуть смущенный взгляд. Как престная безделушка. Он точно позвонит ей. Но не сразу.

Отель «Ройал Парк» в Эвиане был идиллией. Над озером нависал балкон с лепниной. Джон и Одри завтракали там по утрам. С озера поднимался туман, на балконе было зябко, а внизу – прозрачная холодная вода. Свежесть во всем.

Главным достоинством этого места была бирюзовая лагуна, обрамленная естественными гротами, врезанная в скалы и составлявшая часть отеля, опоясывая его террасы. Часть лагуны была внутри здания отеля, а часть – снаружи, с островками, камнями, на которых даже росли цветы. А через озеро – раскинувшийся Монтрё и за ним горы. Так романтично, что больше всего подходило для медового месяца.

Их четверка, включая Саймона с Лизой, много ходила на яхте, Саймон удил форель совершенно безуспешно. Джон искупался пару раз, хоть вода была зверски холодной. Одри в основном сидела в шезлонге на палубе, задрапированная от солнца шляпой и очками, и, не переставая, болтала с Лизой.

Джон не понимал, о чем могут болтать дни напролет женщины, знающие друг друга десятилетия. Дочь Саймона и Лизы работала в Глазго то ли аудитором, то ли бухгалтером и, как все, мечтала переехать в Лондон или, например, в Нью-Йорк. Лиза и Саймон все время обсуждали, не купить ли им домик в Альпах. А Одри рассказывала, что они с Джоном хотят приобрести дом в Хорватии. Три года назад они были очарованы природой, синим чистейшим морем, пиниями, подходящими к кромке воды, и страшной дешевизной. Аквамарин Адриатического моря, когда ты видишь дно, даже если глубина больше двадцати метров, и можешь рассмотреть каждый камень, а в воде играет переливами солнце – это так впечатляет. А дешевизна и неразвитость инфраструктуры означают огромный инвестиционный потенциал. Джон и Саймон дебатировали по этому поводу часами.

Они бродили по горам, объехали однажды все озеро, посетили Шильонский замок и видели того парня, который сидел там в тюрьме. Доехали до Гштаада, на обратном пути побродили по Монтрё, но там было слишком много туристов. Джон взял напрокат пятисотый BMW, и они съездили в Шамони. Ему нравился адреналин вождения по горам, но Одри на заднем сиденье ворчала, не переставая.

На следующий день после ужина Джон с Саймоном сидели с сигарами на террасе отеля. Лагуна была подсвечена и смотрелась как зачарованный лес, полный троллей.

– Джон, а ты счастлив? – неожиданно спросил Саймон.

– Да, а что?

– Так просто. Вы с Одри замечательная пара. Мы с Лизой тоже очень счастливы. Мы ведь поженились всего после четырех месяцев знакомства. И я ни разу не пожалел об этом. Ты же знаешь, я не очень легкий человек. Но Лиза настолько терпелива. Она необыкновенная женщина.

– Саймон, а у тебя всё в порядке?

– Да, в порядке. Всё нормально. Маргарет отлично устроилась, и я не думаю, что ей стоит уезжать из Глазго. Всё, правда, в порядке. Просто иногда думаю, как коротка жизнь. Я уже почти старик. А мы все танцуем, ходим друг к другу в гости, выпиваем. И что, это всё?

– Старик, слушай, что это с тобой сегодня?

– Да не сегодня, Джон. Что-то я стал слишком много думать о смысле жизни в последнее время. Может, чересчур много. Жизнь как-то уходит, словно вода сквозь пальцы. И ничего не остается. Я глупости говорю, наверное?

– Саймон, с чего это ты так упал духом?

– У меня такое ощущение, будто я пропустил что-то важное в жизни.

– Например?

– Кто знает? Мне уже пятьдесят, у меня чудная жена, прекрасная дочь, я могу гордиться своей жизнью, друзьями. И вместе с тем такое чувство, что я не познал жизнь. Как будто где-то была дверь, за которой скрывалось самое главное в жизни, а я эту дверь проглядел. Если бы я искал и нашел ее, то знал бы сейчас, зачем вообще живу. Но я ее проглядел, а она, наверное, вела как раз туда, куда мне было предназначено. А теперь я живу чьей-то чужой жизнью. И вот я сижу дома, смотрю в камин, пью «Гленморанджи», и все эти мысли меня одолевают. Ну ладно, это я что-то не то несу...

Джон поднялся в комнату. Одри уже давно спала. Что Саймон хотел ему сказать? Ну конечно, любой из нас тем или иным образом что-то упускает в жизни, а как иначе? Ты делаешь выбор и, сделав его, закрываешь какие-то двери. Нет, Саймон сказал правильно – он слишком много думает в последнее время. Познание, конечно, бесконечно, но ты сам должен ставить барьеры, иначе можно обнаружить что-то, что совсем не надо знать. Что есть правда? Вот уж вопрос вопросов, честное слово. Правда в том, что жизнь создана для жизни. Жить надо легко и в удовольствие. Чем дольше, тем лучше. С близкими и друзьями, которые часть твоей жизни. Остальное – не имеет значения.

Он забрался в постель и обнял Одри. Он хотел ее. Может, Одри тоже считает, что в их жизни чего-то не хватает? Джон начал тихонько целовать ее и скоро распалился. Жена повернулась к нему в полусне и поцеловала его. Он целовал ее в губы, но она не отвечала. Он лег на нее, она пробормотала что-то, улыбнулась, не открывая глаз, и обвила его ногами.

– Детка, ты кончила? Ну сделай это для меня, пожалуйста, – прошептал он.

Одри не ответила, поцеловала его, по-прежнему не открывая глаз, потом отвернулась и обхватила подушку обеими руками. Он прижался к ней, попытался снова расшевелить, но скоро сам провалился в сон.

На следующий день они поехали дальше, в Италию.

Глава 8

Спустя две недели Джон вошел в офис во всей красе. Загорелый, сбросивший несколько фунтов, он выглядел конкистадором, готовым к новым завоеваниям. Сделка с Orange теперь уже точно шла к завершению. И тонна новой работы, особенно с Испанией, а вот и в Гамбурге что-то проклюнулось... Опять эти безумные, бесконечные числа продаж, прибыли, сэкономленных пенсов, складывающихся (или не складывающихся) в сотни тысяч фунтов. Генеральный позвонил с приглашением поужинать и помозговать. Это было приятно. Всегда приятно помозговать с шефом за ужином.

Хоть день был забит до предела, Джон стал искать телефон Анны. Бросил ей мейл, спрашивая, определилась ли она уже со своими планами, и могут ли они встретиться на третьей неделе сентября. «Я бы очень этого хотел, но если у тебя не складывается до отъезда, у нас всегда есть октябрь впереди». Изящный мейл. Зазывной, но необременительный. Весь день он время от времени поглядывал на ящик «Входящие».

Анна была в Москве и прочла письмо на блекберри. «Унас» и «всегда» – интриговало. Она ответила на следующий день намеренно занудно. Мол, прилетит в Лондон восемнадцатого вечером, но только на два дня. С удовольствием поужинает, но только девятнадцатого и не поздно, потому что на следующий день обсуждение бюджета. Потом улетит в Среднюю Азию, на обратном пути остановится в Москве и будет в Лондоне в конце первой недели октября. Джон увидел, что это послано с блекберри, и, сделав вид, что не получил мейла, просто позвонил.

Он думал об Анне время от времени, уже не очень-то помня, как она выглядит, только отчетливо вспоминая ощущение, как будто держишь в руках дорогую изящную безделушку. Багатель. Почти каждый день он писал ей по мейлу – так, ни о чем. В пятницу, за четыре дня до намеченной встречи, написал, что предлагает встретиться в «Хилтоне» на Парк-лэйн – «только на аперитив, в баре наверху. Я не могу придумать другого места в Лондоне, которое ты точно найдешь и не потеряешься», а потом они пойдут ужинать во французский ресторанчик неподалеку. Анна это оценила. Он мог бы предложить «Хилтон» с его панорамным видом и для самого ужина. Но «Хилтон» вульгарен, и есть много более изящных способов показать, что это особый ужин. Да, парень понимает разницу. А «Хилтон» как место встречи – это говорит о заботе. Даже полный имбецил знает эту уродливую башню на Парк-лэйн.

Она вернулась домой из офиса пораньше. Помучившись перед зеркалом, выбрала темно-синие бархатные джинсы Gucci, пестрый обтягивающий кашемировый топ Bluemarine с длинными рукавами и сапожки на золотых, немыслимо высоких шпильках. Она выглядела то ли как рублевская жена, то ли как дорогая проститутка, когда это не одно и то же. Это был, конечно, легкий стёб, но ей хотелось выглядеть совсем другой, непохожей на ту professional с дорогим классическим Breguet, которую он встретил в первый раз. Парень уже усвоил, что у нее есть профессия, карьера и что она девушка воспитанная. Пусть теперь полюбуется на веселую девчонку-оторву. У нее была потрясающая по стилю стрижка, только что сделанная самим Паскалем Тессье, знаменитым на всю Москву французским арт-директором «Дессанжа».

Она пришла вовремя, выбрала стратегически правильный столик – с панорамой Лондона, открывающейся с двадцать восьмого этажа «Хилтона», но и с возможностью держать под прицелом вход. Заказала любимое розовое шампанское. Секундой позже пришел текст: «Привет, буду через десять минут. Д.». Достоин.

Ровно через десять минут Анна увидела его в дверях бара, запыхавшегося и оттирающего пот носовым платком. Она оторопела на секунду – он выглядел так неприятно, почти плоско, в тех же джинсах и старом, том же самом желтом блейзере. И нос какой-то

очень длинный. Джон озирался по сторонам, явно не видя ее. Она смотрела в окно расслабленно, но наблюдая периферийным зрением, как он мечется. Однажды он посмотрел в сторону Анны и даже ощупал ее на автомате взглядом, но не узнал. Он теперь методично обходил столики, а она всё смотрела в окно, пока он буквально не наткнулся на нее, и его лицо просветлело:

– Привет, ты уже пьешь?

– Да, привет, рада тебя видеть.

– Что пьешь?

– Шампанское.

Джон подозвал официанта и попросил джин-тоник.

– Как поездка?

Они говорили, но отчего-то возникало слишком много пауз. Явно не хватало тем за пределами банального «как поездка?», и это вносило неловкость. Джон явно нервничал, не очень понимая, что за человек перед ним. Анна просто сливалась с остальными женщинами в этом баре на двадцать восьмом этаже. Шикарная девушка из ночного клуба. Моложе, чем в первый раз, это точно, но меньше индивидуальности. Это сбивало с толку.

Они покончили с напитками с облегчением, потому что «Хилтон» был явно не создан для разговора, и направились в дебри квартала Шепердз Маркет. После ужина в маленьком французском ресторане с деревянными столами без скатертей – не безвкусном, но ничего особенного, – Джон пошел ее проводить до дома. В конечном счете вечер вполне сложился.

Они шли, держась за руки. У подъезда Джон поцеловал Анну по-дружески и вдруг, сам удивляясь, что он это говорит, спросил, а свободна ли она следующим вечером. Они условились созвониться утром, и Анна так же, как в прошлый раз, взбежала по ступенькам крыльца. Джон хотел еще что-то сказать, но она сделала вид, что не заметила, и снова скрылась в лифте. Джон постоял с минуту и опять побрел по Бэйсуотер-роуд.

На следующий день Джон не мог дожждаться вечера. Он позвонил сказать, что зайдет за Анной – выглядело как жест внимания. Они сели в такси и поехали в «Зуму» в Найтсбридже, модный японский ресторан, но не такой пафосный, как, например, «Сумосан» на Альбемарль-стрит. В «Зуме» было битком, а Джон не заказал столик. Шум стоял страшный, и пока Джон бился с мэтром, Анна вышла на улицу. Он выбежал через минуту, на лице был испуг – вдруг она ушла?

Конечно, он идиот, что пригласил ее, не позаботившись о столике. Он ума не мог приложить, куда им пойти в половине десятого. Это было странно – при всем его опыте Джон не мог сообразить, что подходит этой женщине. Но знал точно, ему надо научиться понимать ее. Зачем это нужно – он не мог ответить. В конечном итоге они осели неподалеку, в «Кафе Руж», неподобающем месте, но это он свалил дурака, и было поздно что-то исправлять.

Кафе почти опустело, и официанты уже начали переворачивать стулья в другом конце зала и обслуживали неохотно оставшихся посетителей. Что и говорить – место для ширнар-масса. Они заказали бутылку бургундского. Говорили о кошках. Почему – неизвестно. Хотя понятно почему. Кошки независимы, всегда гуляют сами по себе, никому не разгадать их загадки. Умны и, сколько бы ни мурлыкали, никого близко не подпускают. Это была прозрачная, но приятная игра.

Потом перешли на другие темы. Джон заговорил о терроризме и исламе. Обсуждали фундаментализм, Анна ругала европейских политиков, которые ведут к коллапсу цивилизации, рано или поздно произойдет судьбоносная схватка между фундаментализмом и христианской культурой. Они не заметили, как опустела бутылка.

– Легко... Когда два великих философа обсуждают глобальные темы... – сказал Джон. – Ну что, пойдем назад через парк?

Он взял Анну за руку, как и накануне, и они пошли по пустым и темным аллеям. Оба знали, что где-то примерно посередине он ее поцелует. Ее губы были мягкими и нежными. Ощущение, что он держит дорогую хрупкую игрушку в руках, было пронзительным. Перед ее домом Джон, помедлив, спросил, не хочет ли она за углом в баре глотнуть виски, так сказать, на посошок. Анна сказала, что бары уже, наверное, закрыты, но виски есть у нее дома. Оба играли по хрестоматии.

В квартире Джон опять стал целовать ее: он это делал великолепно. Потом даже попросил виски, хотя не хотелось. Ему было немножко не по себе, что он забавляется с этой игрушкой, и хотелось получить от нее какую-то индульгенцию на эту забаву. Крепко сжимая Анну в руках, он посмотрел ей прямо в глаза:

– Мне надо сказать тебе что-то важное... Ты должна это знать до... ну, до того, как... Я женат.

– А почему мне это необходимо знать?

– Потому что я хочу, чтобы ты знала. Чтобы не думала, что я тебя не уважаю.

– Ну хорошо, теперь знаю.

– И ты не против иметь дело с женатым мужчиной?

– А какая разница?

– О'кей, о'кей, я просто хотел, чтобы ты это знала.

Это был просто секс, приятный во всех отношениях. Когда Анна уже начала погружаться в сон, она заметила, что Джон одевается. Он наклонился поцеловать ее перед уходом:

– Я лучше пойду, ты не против?

– Нет, конечно, спокойной ночи.

– Хороших снов.

Джон сел в такси, машина поехала по пустынной улице в сторону Холланд-парка. «Вау, это может быть выдающийся романчик. Волшебный секс, гладкая кожа и столько стиля. Тактична. Но странно, что ей безразлично, женат я или нет. Она-то точно одна. Ну и хорошо, по крайней мере, не будет никаких отношений. Он не ангел, конечно, и, может, это даже не единственная ночь, может, будут и другие, но точно без обязательств. Не улетать ни в коем случае. Но все-таки надо пойти дальше. Как далеко, посмотрим. Такая игрушка, не оторваться. Наверное, ровно столько, сколько это будет легко...»

Утром в аэропорту Анна подумала, что вообще-то можно было бы и позвонить женщине, с которой провел ночь, если уж ты хочешь играть по правилам. Но Джон не позвонил, и она подумала, что это, возможно, к лучшему.

Она провела пару дней в Москве, потом полетела в Среднюю Азию, там была напряженная программа. Джон позвонил ей дня через четыре, и Анне было как-то странно разговаривать с партнером по one-night stand из Англии, стоя под палящим солнцем практически в пустыне. Связь через пару минут оборвалась, и она выключила телефон.

На следующее утро он позвонил ей в шесть утра по Гринвичу:

– Тебе трудно дозвониться. Как дела?

– Нормально, здесь интересно. Вчера были на гидроэлектростанции, думали, как ее реконструировать. Такая мощь! Тонны воды с грохотом несутся вниз, а где-то вдалеке тихое озеро блестит себе на солнце, и трудно поверить, что это и есть та самая вода, которая крошит горы, летя вниз. А что ты так рано звонишь?

– А как тебя еще застанешь? Я вчера весь день звонил, вот попробовал сегодня на удачу в шесть. У тебя сколько, двенадцать?

– Вот именно, мне-то надо срочно на ланч.

– Слушай...

– Извини, Джон, я не хочу быть грубой, но мне, правда, пора.

«Бог мой, – подумал Джон, – чушь какая-то: мощь воды, несущейся вниз. То манерная профессионалка в «Харви Нике», то тусовщица в ресторане в Мейфэйре, а теперь что, играем государственного деятеля?» Но почему-то его это всё зацепило, и вечером он снова позвонил. У нее была уже ночь, и она говорила сонным голосом. У него пять или шесть вечера, и он только что прилетел в Эдинбург. Вообще-то он никогда не звонил женщинам из дома, а тут пошел в сад, чтобы поговорить. Дичь какая-то, так нельзя. Одри красилась наверху. Одета в своем стиле – летящая юбка до щиколоток и свободный топ – Одри никогда не носила мини, – она выглядела прелестно, и им надо было уже выходить. Что ему приспичило вдруг прятаться в саду и звонить?

Глава 9

Джуд и Пол были еще не готовы, когда Джон и Одри приехали забрать их, чтобы ехать в ресторан, а потом слушать джаз. Как обычно, шли последние пререкания с детьми.

– Конни, ты весь стол заляпала своими красками. Давай, бери Джима и идите есть. Потом можете немножко посмотреть телевизор перед сном.

– Мама, я не хочу есть с Джимом, он всё время мне в тарелку лезет руками, а когда я его шлепаю за это, начинает реветь.

– Конни, ну он еще маленький. Ты должна быть с ним терпеливой.

– А когда ты придешь, мамочка? Опять поздно? Почему ты всегда так поздно приходишь, когда вы идете с Одри? Одри, а почему у тебя нет детей? Может, тогда бы вы с мамой раньше приходили и мы все вместе играли? А так мне с Джимом играть скучно.

– Конни, мы сейчас это не будем обсуждать, мы уже опаздываем, хорошо?

– Нет, не хорошо. Я хочу знать. Одри, скажи мне! У всех есть дети. У меня тоже будут, когда я вырасту.

– Конни, твои папа и мама очень хорошие люди, поэтому бог послал им таких славных деток. Может, мы с Джоном были не такие хорошие, поэтому...

– Нет, Одри, ты хорошая, ты мне сервис для Барби подарила. А Джон еще лучше, он даже лучше тебя. Он такой смешной!

Они годами говорили своим друзьям, что решили не иметь детей, потому что это слишком большая ответственность. Джон твердил: он вовсе не убежден, что был бы хорошим отцом. Все друзья уверяли их в обратном и говорили, что еще не поздно.

Когда Одри была еще его герлфренд, с которой они уже жили вместе, собираясь со временем пожениться, Джон с упорством развивал собственный бизнес с партнером – другом по университету. Одри писала диссертацию по диабету. Ей было двадцать семь, ему – тридцать два. Он работал сутки напролет, она не жаловалась тогда, потому что тоже целыми днями сидела с бумагами. А ночью наступало время чудес. Их тела думали друг о друге целыми днями, это чувство горячего любимого тела рядом постоянно сохранялось внутри у обоих, чем бы они ни занимались днем.

Одри, грациозная и гибкая, отдавалась ему с нежностью, обвивала его руками, обрушивала водопад волос на его лицо. Джон, чей сексуальный опыт назвать просто «обширным» было бы чрезмерной скромностью и который верил, что действительно великий секс и границы – вещи несовместимые, старался тем не менее быть очень деликатным с Одри. Даже оральный секс с ней казался ему невозможным злоупотреблением: она приходила в возбуждение скорее от того, что видела его страсть, нежели от самих сексуальных затей. Ему иногда хотелось, чтобы она сказала что-то смачно-страстное, иногда, нежно глядя ее бледную кожу, покрывая осторожными поцелуями живот, Джон ловил себя на мысли, что гораздо больше ему бы хотелось перевернуть ее, поставить на колени и грубо войти сзади. Сама мысль об этом заводила так, что ему можно было уже этого и не делать. И думая об этом, он бежал пальцами по ее телу все ниже и ниже, пока не достигал цели. И тогда ее тело все открывалось ему, он медленно и нежно входил в нее, и их тела начинали медленный, томный танец, который потом все убыстрялся. Джон регулировал ритмику танца, то замедляя, то ускоряя его, стараясь продлить музыку слияния, и замирал в паузе перед последней синкопой, за которой начинались долгие, идущие по нарастающей финальные аккорды. Их тела взрывались почти всегда одновременно, и Джон был счастлив, когда вслед за тем Одри роняла волосы ему на лицо и в изнеможении застывала у него на груди. Он держал ее в руках, давая отдохнуть, но не мог ждать очень долго и вскоре начинал свою следующую импровизацию.

По утрам – он тогда вскакивал еще раньше, чем теперь, часто затемно – Джон смотрел на спящую Одри и думал, что так бы и сидел, глядя на нее, часами, но уже через пару минут тянулся к ней и брал ее сонную. Так начинать каждый день было счастьем.

Как-то в воскресенье после их обычного старта он сидел за кофе, читая газету, но мысли его были далеко и в полном смятении. В течение последней недели они с партнером потеряли кучу денег, и это была только его вина. Партнер призывал идти осторожно, развивать компанию постепенно. Джону же хотелось все и сразу, и он уговорил вбухать все в один большой и весьма рискованный проект. Он был уверен в удаче, а теперь понимал, что компании не выжить. И все из-за его самоуверенности. У компании много долгов, а он вынул столько денег из основного бизнеса, чтобы инвестировать в этот дурацкий проект. Нет, конечно, они обязаны выжить, но будет тяжело. Придется увольнять, резать затраты, самим работать день и ночь вместо уволенных. Они смогут рефинансировать долги, только если вложат и собственные деньги в компанию, по-другому – никак. А это значит, что он должен забыть о покупке дома, по крайней мере, года на два. Как он все довел до такого хаоса? Одри так мечтает о доме, который она хочет привести в порядок, сделать уютным, прежде чем они заведут первого ребенка. Он поставил крест на ее мечтах.

Одри вышла из душа, свежая, как обычно с блестящими мокрыми темными волосами, в длинной джинсовой рубашке. Она вся излучала свет, стоя на этой и так залитой солнцем кухне. Джон смотрел и думал, что сейчас разрушит воскресный день, который обещал быть праздником, как всегда. Он и так ничего не говорил ей ни в пятницу, ни в субботу, все откладывал на конец уик-энда.

– Джон, я так счастлива сегодня. Солнце замечательное. И мне надо тебе что-то сказать. Я всю неделю ждала воскресенья, чтобы спокойно, за завтраком сказать тебе это. Я беременна. Я знаю, ты хотел еще немножко подождать, сначала пожениться, поездить по миру, купить дом. Но так уж получилось, и я так счастлива. Ты рад?

Джона просто захлестнула волна радости, он схватил Одри и начал кружить ее по кухне: «Детка, какая же ты умница, я так счастлив!», но уже через мгновение он застыл, оторопело уставившись на нее.

– Что с тобой, Джон? Конечно, это немножко неожиданно, и ты, наверное, слегка в шоке, так это нормально. Я все обдумала: раз уж так получилось, бог с ними, с путешествиями, надо сразу искать дом. И давай прямо сегодня скажем родителям о помолвке, потому что быстрее, чем месяца за три-четыре, свадьбу не организовать. А тогда уже будет почти шесть месяцев, и тебе, к сожалению, придется забыть о скуба-дайвинге в медовый месяц, уж извини. Но что-то поспокойнее можно придумать, например, просто поваляться на пляже на юге Франции пару недель вдвоем. Снимем маленькую виллу на Кап-Ферра.

О чем она говорит? Вилла на юге Франции. Он не уверен, сумеет ли сохранить их нынешнюю просторную квартиру на Королевской миле Эдинбурга. Сегодня он вообще не может сказать ей, что они могут и что не могут себе позволить. Уже хотя бы для того, чтобы точно понять размер бедствия, ему потребуется не меньше двух месяцев работы и перекраивания всего бизнеса. Только после этого можно будет что-то планировать.

– Джон, что ты застыл и молчишь, как будто я сзади тебе нож в спину всадила? И смотришь на меня оторопело. – Одри уже была на грани слез.

– Одри, ради бога, не волнуйся. Все отлично, я рад, я, правда, всегда хотел ребенка.

– Хотел? Ты хочешь сказать, что теперь это не так?

– Нет, ты не так поняла, просто...

– Что «просто»?

– Мне нужно было тебе раньше всё сказать, но как-то не складывалось. Конечно, сейчас совсем некстати, ты так счастлива, и такая новость, что ты беременна, а я...

– А что ты хотел мне сказать такого, более важного, чем это?

– Одри, – Джон понял, что надо брать быка за рога, – слушай! Так получилось, что сейчас ну совсем, совсем неподходящее время для ребенка. Мы «посадили» компанию, мы на грани банкротства, и вот я всю неделю думал только, как я тебе это скажу.

Одри потеряла дар речи. Джон рассказал ей всё. Потом повторил, потому что она не реагировала. Она слышала его слова и не могла понять, почему он говорит о каких-то долгах и кэш-флоу? Она только чувствовала, что он предал ее в такой день.

Джон видел, что Одри не способна его услышать. Он знал, что, наверное, должен был говорить о другом, но он сам был на грани. Он так рассчитывал на ее поддержку. Но она погрузилась только в свою собственную проблему, о боже, что он говорит, в какую «собственную проблему», это не проблема, это их общий ребенок.

– Одри, ну скажи хоть что-нибудь. Я знаю, что виноват, но ошибки в бизнесе случаются. Это естественный риск, это не конец света, я всё поправлю. Просто мне нужно время. Это будет трудное время, и я даже сейчас не готов сказать, как долго оно протянется.

– Джон, ты говоришь не о том. У нас будет ребенок. Утебя финансовые трудности, что-то изменилось, я понимаю, но сейчас это не важно. Не о твоём бизнесе сейчас речь, а о нашем ребенке.

– Одри, я, черт возьми, не говорю о «моем бизнесе», я говорю о нашей с тобой жизни. Ты хоть понимаешь, что я не могу позволить себе и малой части того, что мы в данный момент имеем, не говоря уже о том, что мы себе запланировали?

– И поэтому ты уже не хочешь ребенка?

– Да не мели ерунды. Это жестоко и глупо так говорить. Хочу, не хочу... Еще до того, как ты вышла из ванной, я уже сидел здесь, чувствуя себя свиньей, что разрушил твою мечту о доме, что мне теперь года два надо будет выкарабкиваться из этой ситуации, а тут еще и ребенок. Я не знаю, как все это разрешить. Я ни слова не сказал, что не хочу ребенка, кстати.

– Джон, ты говоришь о деньгах, а не о той жизни, которая внутри меня. Ты даже не спросил, как я себя чувствую, ты не думаешь, как нам всё надо теперь переигрывать и со свадьбой, и с медовым месяцем.

– Я говорю не о деньгах, я говорю о том, что ты не понимаешь происходящего. Какие две недели на юге Франции? Забудь об этом. Какие срочные поиски дома? Я даже няню не в состоянии буду оплатить в ближайший год.

– Ты можешь мне просто ясно сказать, ты хочешь ребенка или нет?

– Конечно, хочу, но...

– Ты сказал «но»!

– ...но надо смотреть на вещи реально. У нас будет ребенок, я рад, правда. Уже рад. Но надо сохранить компанию. Хотя бы для этого.

– Тебе компания важнее, я понимаю.

– Слушай, это чудовищно, что ты говоришь, дико противопоставлять ребенка компании.

– Я – чудовищна? А ты? У тебя все приоритеты шиворот-навыворот.

– Одри, давай попробуем еще раз. Послушай меня спокойно. Мы будем вместе ждать ребенка, раз уж ты так этого хочешь. Это будет очень и очень трудно, и я по-любому буду делать всё, что смогу, чтобы спасти компанию, потому что я должен и тебе, и ребенку создать условия. Ты сейчас ничего не говори, просто подумай, что реально, а что нет. Не отвечай сразу, ладно, детка?

Джон был вымотан. Ему нужна была пауза. Он позвонил паре друзей и отправился играть в теннис. Он просто не мог дальше сидеть дома и вести этот разговор. Одри слышала, как он захлопнул дверь. Она продолжала сидеть за столом с остатками завтрака. «Он сбежал. Оставил меня одну. Конечно, я все поняла про его компанию. Но он опять поставил свои мужские игры во главу угла, а меня призывает одной решать судьбу ребенка». Она убрала

кухню, думая, какой ложью были все эти ночи, все слова об их будущем. Что она теперь скажет родителям? Что она беременна, а Джон считает, что сейчас не подходящее время и не хочет жениться? Он просто глуп и жесток.

Она вышла на улицу, пройтись. К подругам она сейчас идти не могла, прошла по средневековым кварталам города, перешла через реку, стала подниматься на холм. Эдинбург – это Париж в миниатюре, только живописнее. Джон скоро придет домой. Одумается. Поймет, как был жесток и несправедлив к ней. Одри почувствовала усталость и повернула назад. Дом был пуст. В гостиной громко тикали часы. Она прошла в спальню, залезла под одеяло, не раздеваясь, и вскоре уснула.

После тенниса Джон никак не мог набраться смелости пойти домой. Они с мужиками завернули в паб, съели по стейку и выпили пива. Он шел домой, думая, что, конечно, нельзя было найти хуже момента, чтобы забеременеть. Но он же Одри такое никогда не скажет. Значит, так тому и быть. Будет полный кошмар, ну придется и с этим справиться, альтернативы-то нет.

Одри спала, когда он пришел. «Пусть отдохнет, – подумал он. – Завтра она всё увидит в другом свете. А я к завтрашнему вечеру должен найти правильные слова, чтобы объяснить девочке, что, если ребенок появится не сейчас, а на пару лет позже, все трое будут от этого только счастливее. Но если это для нее не вариант, значит, она должна быть спокойна, что я справлюсь и с сегодняшней ситуацией. Мы продадим остатки компании, я пойду работать куда-нибудь менеджером, чтобы хоть эту квартиру сохранить, не тащить же Одри с ребенком в трущобы? Это будет означать, что о собственном бизнесе придется забыть. Одри не будет работать года два, не меньше, надо содержать всё это хозяйство, страховка взлетит, а через три-четыре года поздно начинать строить новую компанию с нуля. Просто поздно, да и работать придется круглые сутки, а это значит – не видеть ни жену, ни ребенка. Надо думать дальше».

Одри проснулась и услышала звуки футбольного матча по телевизору. Смотрит футбол, значит. К ней даже не подошел. Она опять закрыла глаза.

Джон заходил в спальню несколько раз, не зная, будить Одри или дать ей выспаться. Вообще-то лучше бы ей встать и им вместе куда-то выйти, в ресторан, что ли? Все-таки день-то особый. Но вдруг она опять вскинется и скажет, что это чудовищно – выпивать и закусывать в такой момент?

Забравшись вечером в кровать, он стал гладить Одри по волосам, целовать и шептать какие-то слова. Она отодвинулась, резко и враждебно. Он и мыслей не имел о сексе, просто хотелось, чтобы они были вместе, чтобы заснули обнявшись, чтобы она чувствовала: он с ней и никогда ее не подведет.

Джон проснулся в полпятого и подумал, что до прихода партнера, который сразу начнет причитать и упрекать, хорошо бы спокойно посидеть с цифрами. Одри спала. «До вечера, детка, я тебя очень люблю», – прошептал он ей на ухо. Вечером он, как и планировал, пришел не поздно. Сел напротив Одри, сказал все, что заготовил. Но то ли тон был не тот после дневных разборок с партнером, то ли она еще не пришла в себя, но Джону опять не удалось достучаться до нее. Он повторял, что справится, что продаст компанию и найдет работу, что всех прокормит. Она слышала в его голосе только горечь, что он приносит все свои бизнес-планы в жертву ее блажи иметь ребенка, которая пришлась ему не ко времени. Он жертвовал собой, и это было омерзительно слушать.

Рабочий день прошел в дебатах с партнером. Они ругались, теряли контроль над собой, потом мирились, вечером пошли ужинать, когда все рестораны в городе уже закрывались. Джон пришел домой за полночь, Одри спала. Она выглядела неважно. Он поцеловал ее, попытался растормошить, спросил, может, принести чаю? Она оттолкнула его: «Оставь меня в покое, ради бога».

Весь следующий день она молчала, только огрызалась. Вчетверг, когда Джон пришел поздно вечером, ее не было дома. Она не пришла ночевать, а он не решился обзванивать подруг – проверить, где она. В пятницу он вернулся домой и застал Одри за столом. Она работала. «Слава богу, обошлось. Завтра, в субботу, все обговорим и наладим».

В субботу утром Одри вышла из душа и объявила ему, что ребенка не будет. Теперь всё так, как он хотел. День прошел в разговорах, Джон просил прощения, ругал Одри за то, что она всё так вывернула наизнанку, что не доверяет ему. Впрочем, опять был полный сюр.

Спустя две недели посреди ночи у нее открылось кровотечение. Джон повез ее в больницу и сидел до утра. Утром врач сказал, что опасность миновала, но детей у его жены, к сожалению, теперь не будет, и ей надо оставаться в больнице, по крайней мере, еще три-четыре дня. Джон проклинал себя. Как он мог оставить ее одну, действительно, при чем тут компания? Он не отходил от нее все четыре дня, ночевал на стульях в коридоре, хотел быть с ней каждую минуту, бегал за соками и журналами, читал ей вслух, чтобы вывести из ступора.

Он привез Одри домой, она ходила с безумным видом целую неделю. Он видел, что с ней беда, и решил, несмотря ни на что, увезти Одри хоть куда-нибудь. Снял крошечный домик в горах на неделю и повез ее в Кран-Монтана. Гулял и разговаривал с ней круглые сутки, как с ребенком. Стояла погожая осень, горы были нереальной красоты, и Одри начала оттаивать. Они сели на поезд до Парижа, где остановились на два дня. С каждым днем Одри становилось все лучше.

Вернувшись из Парижа после десятидневного отсутствия, Джон застал компанию в агонии. Он потерял и компанию, и ребенка. Дважды лузер по собственной вине. Через два месяца он нашел шикарное место в IBM. Еще через четыре месяца они поженились. Родители и друзья были счастливы, свадьба удалась во всех отношениях. На следующее утро после венчания они отбыли на Канары, поселились в хорошем отеле, не таком роскошном, как мечтали когда-то, но очень и очень приятном. Они занимались скуба-дайвингом и сексом по вечерам, прямо на пляже, после пазлы с креветками и терпкого испанского вина. Джон пытался научить Одри танцевать танго, но это у него тоже не вышло.

Глава 10

Вернувшись в Лондон и распаковывая чемодан, Анна получила текст от Джона с приглашением на ужин. Она с трудом припоминала, как он выглядит, и ей нужно было срочно переодеться и бежать на конференцию в тот самый «Хилтон». Там будут происходить важные вещи, а не вечером с Джоном. С ним будет легко... После Виктора со всеми будет легко... Просто с самого начала надо всё выстраивать легко...

«Чтобы роман был в радость, надо всё делать влегкую», – думал Джон в такси по дороге к дому Анны. Для разнообразия он повел ее в очень пафосный ресторан «Сквер», где весь амбьянс настраивал на маленькую светскую беседу, вот они и болтали – о ее поездке, о его работе, даже о моде. Гуляя и держась за руки, дошли до ее дома. Джон не спросил, можно ли подняться, всё было так легко и естественно. Последний шот виски в ее квартире, и он начал ее медленно раздевать. Отличный секс, и он решил остаться до утра.

Утром они вместе вышли из подъезда. Джон должен был сначала поймать такси для нее. Он остановил кэб, Анна села, и хотя следующий кэб проезжал тут же, Джон пропустил его, потому что надо было постоять на тротуаре и махнуть ей рукой, пока она отъезжала. Он был хорошо воспитан и хотел, чтобы всё было красиво и по правилам. Женщины это любят, а это, в сущности, так легко...

Перед тем как Анна нырнула в черный кэб, Джон сказал, что следующий ужин послезавтра. «Хорошо, давай по слуху играть, посмотрим. Как будут дни складываться». «Как здорово, что нет никаких обязательств», – подумал он, глядя вслед кэбу, который через минуту нырнул в трафик Оксфорд-стрит и растворился в потоке. Стал просто одним из кэбов, увозя в Сити стройную и стильную женщину в черном брючном костюме Гисси, чьи руки и мягкие губы ласкали его всю ночь.

Весь день он слал ей тексты и расписывал работу, чтобы освободить вечер четверга для ужина. В четверг заехал за ней уже после девяти и предложил пойти в паб.

– Я не хожу в пабы, – засмеялась она.

– Даже попробовать не хочешь? А если это будет очень романтичный паб?

– Ну, только ради тебя.

Они взяли такси на Бэйсуотер и поехали в Ноттинг-Хилл. Джон никак не мог точно вспомнить, где именно находится «Лэдбрук Армз», вроде где-то рядом, но где... Таксист был идиот. Они вышли из кэба и пошли дальше пешком. Джон чувствовал, что Анна всё больше раздражается.

В «Лэдбрук Армз» было не протолкнуться, как всегда по четвергам. Джон с трудом нашел полстолика на террасе, усадил Анну и спросил, что она хочет выпить.

– Розовое шампанское, только один бокал, – попросила она.

– Я боюсь, что в пабе розового шампанского может не быть, – сказал он с ужасом.

– Тогда виски, потому что вино здесь уж точно пить нельзя, – сказала она.

Он отправился добывать напитки в баре, потому что официанта дожидаться было бессмысленно. Проталкиваясь обратно с виски, он только молил бога, чтобы она не ушла, так как виски он добывал минут десять. Анна сидела за деревянным столом, и ей уже всё нравилось.

– Здесь так красиво. Даже не выглядит, как паб. Плющ вьётся по стенам. Как на картинке, прямо деревенский английский дом.

– Бэби, именно так и выглядят настоящие пабы. Тебе, правда, нравится?

Когда принесли еду, Анна стала есть омлет как деликатес, а Джон смотрел на нее и вдруг почувствовал прилив нежности оттого, что всё так устроилось, в конце концов, и она ест, потому что голодна, и всё время что-то рассказывает, неважно, что именно, и смотрит

на него широко раскрытыми глазами, и по лицу ее время от времени летает уже знакомая смущенная улыбка от рассказов о самой себе и о том, как она сегодня цапалась с коллегами по работе. Ей было весело, в сущности, это же так смешно, играть в мужские игры, когда сама-то знаешь, что всё понарошку. Джон вдруг уловил в воздухе запах цветов, что было совсем необычно: и цветы не пахнут в октябре, и он их никогда не замечает. Он перегнулся через стол, взял в обе руки лицо Анны и просто смотрел на нее молча.

Утром она не проснулась, когда он уходил. Он шел по тротуару мимо дворников, мимо газетных прилавков. Хозяева мини-маркетов вытаскивали на улицу ящики с овощами, сигналили такси и красные двухэтажные автобусы. Гайд-парк был раскрашен осенними красками, воздух казался свежим и влажным, сквозь утренние облака чуть пробивалось солнце, но день обещал быть ясным. Джон шел и шел, хотя давно пора было хватать кэб и мчаться в офис. Он не хотел, чтобы ночь с Анной отступала, он видел перед собой ее глаза, радовался, что их еще не разлучило после ночи ни одно сказанное слово, и хотел, чтобы время замерло.

Весь день так легко и прошел. Он работал, съел два сэндвича, не отрываясь от бумаг, звонил, писал мейлы. Он не думал об Анне, но легкость и радость не покидали его. В таком же отличном настроении он вышел из терминала под вечер в Эдинбурге после того, как часок поспал в самолете. Одри встречала его с обычными объятиями на своем серебряном «мерседесе» и только слегка пожурела, что он опять вернулся лишь в пятницу, а не в четверг, как она просила.

– О чем ты говоришь, я сегодня, кроме сэндвичей, за компьютером ничего не ел, а сейчас страшно хочу спать, – сказал он, поцеловав ее в волосы.

Глава 11

Безостановочно думать и безжалостно искать точные слова, объясняющие жизнь, чувства, поведение людей, – это было самой большой проблемой в жизни Анны. Проблемой часто разрушительной, рефлексии разъедали гармонию жизни, усложняли отношения с людьми. Однажды она вычитала в книжке по астрологии: «Скорпион может всё и может достичь всего. Единственный враг Скорпиона – это он сам».

Учеба в университете далась легко... В этом был шик – прогуливать весь семестр, а потом посидеть две ночи над книгами, прийти с кругами под глазами на экзамен, получить очередное «отлично», небрежно выскользнуть из аудитории и, особо не втягиваясь в разговоры с сокурсниками, просто сказав: «Пока», отвалить. Любви сокурсников это Анне, конечно, не прибавляло, но ей об этом не хотелось думать.

Она культивировала свой интеллект в аспирантуре и ушла опять далеко, в чтение не только по специальности, но и трудов по философии, семантике. При обсуждении ее книги профессор сказал:

– Тут имеются небрежности, натяжки фактов, это, конечно, плохо. Но у автора есть искра божья. Этот мощный полет мысли имеет объясняющий потенциал сильнее, чем факты и статистические тренды.

Утолив интеллектуальный голод, Анна поняла, что интеллект не прокормит, и через мужа начала писать халтуру в пропагандистские журналы, на радио и вообще всюду, где брали. Им нужно было растить Бориса, и ей хотелось дать сыну уж точно не меньше того, что она сама получила от родителей. Анна спала по четыре часа, колотила по клавишам про происки империализма, моталась с Борисом в бассейн, на английский и французский. Успевала заехать на радио и записать очередной антиимпериалистический пасквиль для эфира.

По вечерам они с Филиппом «строили» Бориса, который врал, что забыл дневник в школе. Потом Филипп мыл посуду, а Анна стирала, после оба садились дальше колотить по клавишам пишущих машинок. Обычная жизнь средней советской семьи интеллигентов.

Филипп обожал ее. Сам достаточно незаурядный журналист, он видел себя только на втором плане, как подиум для жены. Его друзья ходили у Анны в поклонниках – то таскали ее в ресторан, то привозили подарки из-за границы. Филипп не возражал. И странное дело – при всей своей склонности к рефлексиям и анализу Анна не задумывалась о природе своего чувства к мужу. Им было хорошо, он принимал ее всю и безоговорочно, она наслаждалась его пониманием, а была ли это настоящая любовь или просто любовь, но не совсем настоящая, – важно ли это?

Ненадолго, но, как всегда, интенсивно окунувшись в политику, в госсферу, она через три года получила предложение переехать в Америку. Используя связи, которые нарабатывала в Москве среди заезжих американских политиков и бизнесменов, она пристроила лоботряса Бориса в лучшую школу Сэнт-Олбанс у подножия Национального собора на Висконсин-авеню в Вашингтоне.

Директор был сначала поражен уровнем рекомендательных писем, а потом манерами русской матери, которую он представлял себе, видимо, как часть статуи «Рабочий и колхозница», и слегка лишился дара речи, когда перед ним уселась элегантная особа в черном мини-костюме от Dior с серебряной брошкой конца восемнадцатого века и принялась рассуждать, что Сэлинджер – это еще куда ни шло, а вот читать Оскара Уайлда в двенадцать лет, даже на английском, она полагает, сыну рановато, и очень рассчитывает на помощь школы.

Анна вышла из здания школы и сказала себе, что ее единственный костюм, подаренный миллиардером из Бостона, сделал свое дело. То, что она позволила этому миллиардеру

переспать с ней в его личном самолете, пока он вез ее из Москвы в Гарвард, – по крайней мере с этой точки зрения оказалось неплохой инвестицией.

Анна была настроена на Америку. Она уже нахлебалась счастья интриг в правительстве и общения с вылупляющимися из кооперативов олигархами. Она понимала, что Москва тех лет означала большие деньги и власть, но понимала также, что по молодости и в силу интеллигентских предрассудков просто не потянет. Поэтому ей только хотелось, чтобы Борис рос в нормальном мире, без этих причуд истории, которые происходят в ее стране. А еще Анна очень хорошо понимала, что, кроме как думать и читать, она, по сути, ничего не умеет, и неплохо бы закончить хотя бы какой-то университет жизни. А международный банк, куда ее звали, и скромная предложенная позиция как раз были очень похожи на армию, которую надо пройти.

Она без колебаний взяла ипотеку и, практически не зная еще Вашингтона, полагаясь только на чутье, за три месяца купила дом, чтобы было куда привезти мать и всех остальных. Ремонтировали они его с Филиппом сами, и вообще Анна быстро поняла, что она больше не дама из истеблишмента, а опять рабочая лошадь, которая обязана кормить четыре рта на одну, хоть и большую зарплату. Иногда, просыпаясь ночью, она представляла себе, что завтра придет на работу, а там – розовая бумажка об увольнении, а у нее на счете ровно сорок долларов, только вчера проверяла. Она не делилась этим с семьей – они не помогут, чего зря травмировать.

Через пять лет сын из-под палки отправился в университет Беркли, они с Филиппом отвезли его в Калифорнию и вернулись домой в Вашингтон, где освободилась, наверное, уже навсегда, одна спальня из четырех. Анна подумала, что еще одна глава ее жизни закончена и надо смотреть вперед.

При следующей командировке от своего банка в Москву она обошла трех прежних друзей. Почему выбрала именно их, Анна не знала. Первый с ходу предложил ей должность вице-президента по инвестиционному развитию в корпорации, которая тогда стоила пять миллиардов. Дав покрутиться в компании пару дней, он вызвал ее на чашку чая в отель «Националь», где сидел с партнером и каким-то эскортом. Время приближалось к часу ночи, но тогда так было принято среди московских олигархов. Это слово только входило в моду.

– Ну, всё посмотрела? Рассказывай...

– Масштаб, конечно, впечатляет. Ты собрал фантастические активы и всё структурировано разумно, не мне тебе это говорить. Ты стоишь гораздо больше пяти ярдов.

– Согласен.

– Да, но это потенциал, – продолжила Анна, зная, что должна говорить со своей обычной прямоотой: если он это не примет, то как она будет работать и развивать этот потенциал, то есть делать то, чего он ждет от нее? – Смотри, у тебя пять субхолдингов, понятно, что там есть жемчужины, но если брать только цифры, то доходность в каждом ниже средних показателей по отрасли. Вот и потенциал. Ну, это главное. А так по мелочам – почему у вас нигде нет туалетной бумаги, а внизу, в лобби, тянет запахом столовских щей? Это при пяти-миллиардном бизнесе. Скажи, чтоб подтянули культуру.

Капитану бизнеса нравилось, что она говорит это при его партнере и эскорте, – никто из них никогда бы не посмел сказать что-нибудь подобное так прямо ему в глаза. Эскорт ерзал.

– Видите, она схватила суть сразу за два дня. Про туалетную бумагу, кстати, могла бы помолчать. Но вообще, я же вам сказал, что это умный человек. И вы еще одно про нее должны очень хорошо понимать: ей никто никогда не помогал. Ни муж, ни любовники. Она всё сделала сама.

Нельзя сказать, что эта сентенция обрадовала эскорт. Они видели перед собой женщину в дешевом офисном костюме и с ноутбуком в час ночи, которая собиралась прийти к ним в корпорацию, чтобы учить их жить. И шеф от этого тащился.

На следующий день Анна навестила своего старого знакомого еще со времен университета, который недавно стал главой крупнейшего банка. Он хорошо ее принял. Вообще-то он не очень представлял, чем она может быть ему полезна, но по природной хватке и еще не заболев звездной болезнью, которая пришла позже, не игнорировал умных и успешных людей. Его огромный офис источал запах больших денег, а секретариат был не по-русски вышколен. Чай подали в английском фарфоре на серебряном подносе. Анна спросила, можно ли курить, ее собеседник слегка обалдел от вопроса, но тут же появилась пепельница Baccarat. (Позже она узнала, что никому еще не позволяли курить в его кабинете.)

Они говорили о Вашингтоне, Анна поздравляла старого приятеля с невероятными политическими успехами. Когда он спросил, не надоела ли ей Америка, Анна призналась, что на работе всё нормально, но похоже, она исчерпала перспективы для себя, как-то всё стало предсказуемо и повторяемо.

– Поэтому, – сказала она легко и уже вставая с кресла, – я оставлю свое резюме на всякий случай.

Через месяц она получила предложение возглавить один из основных департаментов банка. Боссу нужен был «правильный» кандидат. Про которого он сможет всем сказать «это высокий профессионал» (хотя так это или нет, он толком не знал, да ему было и не интересно), который будет полностью лоялен, хотя бы потому, что корней нет. А это, кстати, значит, нет и хвостов. За этот выбор его никто не попрекнет.

Три дня они вели переговоры с его замом. Анна сразу сказала, как ей нравится и банк, и позиция, и люди. Но у нее есть свои границы: ее переезд в Москву потребует удвоения семейного бюджета – придется же содержать два дома. Она всё понимает, что тут нет таких зарплат, и допускает, что просит невозможного, но лучше сказать прямо, ведь эти озвученные расходы никуда не уйдут, и это реальность. Зам сопротивлялся до последнего, а потом повел на окончательный разговор к шефу. Когда она тому повторила свой монолог, добавив в конце, что уверена – она отработает каждую копейку, шеф едва заметно кивнул своему заму. Они не подписывали никакого контракта, и просто на честном слове босса она полетела в Вашингтон собирать чемоданы.

– Аня, – спросил ее Филипп, подвозя утром к банку, – ты понимаешь, что делаешь? Жизнь только начала налаживаться, лоботряс хоть и вылетел из Беркли, всё же учится в Нью-Йорке. Ты стала расплачиваться с долгами, работа стабильна и уже не требует от тебя сидения по ночам в офисе. Я начал тоже что-то зарабатывать. Мы стали выезжать в Европу, возьми хоть каникулы в Баварии, разве плохо? Тебе стало скучно, так посмотри через улицу. Вон в том здании сидит твой бывший шеф, теперь вице-президент по Азии. Пойди к нему, будешь работать по Китаю. К чему такие крайности – сразу в Москву?

– Филипп, ты сам всё сказал. Работа перестала быть требовательной. Через двадцать лет в этом здании или в китайском я буду делать ровно то же самое, говорить с теми же людьми, писать те же отчеты. Я не хочу пропустить дверь, которая поведет в новый мир. А еще я просто устала быть бедной.

– А ты разве не будешь скучать по Вашингтону?

– Буду, конечно, здесь жизнь и легче, и приятней. И по вам скучать буду, и по «Сакс Пятая Авеню», и по магнолии в нашем саду. Но этого недостаточно, чтобы меня здесь удержать.

Мама говорила примерно то же самое, только с большей эмфазой. Это бесчеловечно, что дочь сначала затащила ее в чужую страну, отрезав от всех корней, а теперь сама уезжает, бросая ее на милость зятя.

– Так, слушайте. Ребенок в университете, и я ему не нужна. Вон, в Нью-Йорк перебрался, никого не спросив. Вы – люди взрослые. Я всегда буду вас любить и буду продолжать оплачивать, мама, твои счета. Дом вам остается. Не хотите жить без меня в Вашингтоне –

дайте знать, я вам пришлю билет в Москву. Если лететь всё время прямо на восток, точно не потеряетесь. Чего вы еще от меня хотите? Привязать меня тут? Чтобы было с кем в выходные поскандальить?

За два дня до отъезда Филипп всё-таки не выдержал:

– Не могу представить себе, что через два дня открою все шкафы, а там пусто, только голые вешалки вместо твоих костюмов.

– А ты думай не об этом, а о том, что я уже знаю свой первый проект, и он с американскими инвесторами, и я скоро прилечу в Вашингтон в командировку.

– Ты всё равно там долго не выдержишь. Брутально там. Если бы я считал, что это всерьез, я бы поехал тоже. Но ты вернешься максимум через год – полтора. Я буду ждать тебя здесь.

Глава 12

– Может, ты хочешь сесть за руль?

– Нет, сегодня не хочу.

– Ты что-то выглядишь усталым. Я тоже устала. Была учеба два дня, это выбило из колеи. И Джуди все время требует внимания. А ты помнишь, что Лиза и Саймон ведут нас сегодня к своим друзьям, с которыми я давно хотела познакомиться. Джон, ты не слушаешь меня...

Он и не слушал, он всё еще летал где-то в районе Бэйсуотер. Только войдя в дом, он почувствовал, что туман в голове начинает рассеиваться. Он вышел на террасу и вспомнил, как звонил Анне из сада. Абсурд. Так нельзя. Надо всё держать по отдельности. Как сказано, он не ангел и, наверное, всё-таки будет встречаться с Анной время от времени. Уж больно хороша игрушка. Но нельзя это смешивать с реальной жизнью, а его реальность – это Одри, их друзья, работа и гольф по воскресеньям.

В компании в этот вечер почему-то доминировала тема искусства.

– А правда, что Найджел купил картину на Christie's? Врет, наверное. Небось на e-Bay. Всё равно, когда увидишь, не забудь похвалить.

– А Сьюзен решила пригласить дизайнера и переделать весь дом. От скуки, ей-богу. Теперь ей хочется викторианский интерьер с тяжелыми драпировками со свагами и обязательно с чиппендейловскими креслами. Она всех уже изнасиловала этими креслами. Представляю, как это будет дико выглядеть. Чиппендейл подходит к викторианскому периоду, как собаке пятая нога.

– А Уитманы уезжают в следующем году в Штаты на лето, к детям, и уже смотрят дом в Хэмптонах.

– В Хэмптонах тоска. На Лонг-Айленде вообще всё напказ. Толпы слоняются из одного дома в другой и все друг друга любят. А их даже никто не пригласит. Кто они там?

– Пригласит, не сомневайся. Они никто, но для американцев они настоящие англичане. Их будут после десерта подавать вместо сыра, другим на зависть. Там все друг перед другом выпендриваются.

По дороге домой Одри даже не зудела про скорость. Войдя в дом, Джон подумал, как здесь хорошо. Одри причесывалась в спальне перед зеркалом. Он подошел сзади, обнял ее за плечи и почувствовал такой родной и любимый запах.

Джон точно был не ангел. Он не считал верность большим достоинством и по большому счету был не уверен, что моногамия – естественное свойство человеческой особи. Он помнил, как кто-то когда-то сказал: «Не верность важна, а лояльность». Его любовь к жизни, талант и отвага уметь брать от нее всё, в чем кроется удовольствие, бросали его от одного адюльтера к другому. И тем не менее он был, скорее, примерный муж, чем плейбой. Его здравый смысл, уравновешенная психика и любовь к Одри помогали всё держать под контролем.

Была Мария, девочка в Мадриде. Двадцать пять, стройная смуглянка, помогавшая им с переводом. Обладая острым умом, она забавляла Джона своими ремарками насчет его коллег. Она была католичка и, несмотря на все свои современные взгляды и ценности, даже некоторую шлюховатость, в какой-то момент заговорила о грехе внебрачной жизни, на чем всё и кончилось.

Была модельер из Дублина, что само по себе звучало как насмешка. Она мечтала переехать в Лондон, но лучше в Париж, а в конце концов непременно в Нью-Йорк, и в ожидании этого в дублинских журналах мод рассказывала домохозяйкам, отоваривавшимся преимущественно в местном Marks&Spenser, о последних коллекциях мира. Она, казалось, сама стре-

милась, чтобы легко... но когда в один из приездов Джон обнаружил, что девушка купила ему лосьоны для бритья, тапки и халат, разместив это все в своей ванной, он сделал ноги.

Как ни странно, у него даже была однажды русская. Нина административировала офис какой-то русской корпорации в Лондоне. В ней было что-то трогательно-провинциальное, включая ошибки в английской грамматике. В ней была готовность всегда принимать его безоговорочно, слушать, не перебивая, и никогда особо не высказывать свое мнение, если даже таковое и имелось.

Она плакала над «Великим Гэтсби», считая чудовищным, что эта техасская сволочь так подставила Гэтсби, прошедшего всю войну, а его кукольная дура вообще не разобралась, какой Гэтсби великий мужик. Джон не очень понимал, как она администрирует свой офис с таким знанием жизни, но это был не его вопрос. Его вопрос был покупать ей время от времени шмотки, да пару раз оплатить билеты ее матери, по которой Нина очень тосковала и которую, ну непременно, надо было привезти в Лондон. Когда она заговорила о третьем мамином приезде, Джон поинтересовался, а, собственно, зачем? Она что, по второму разу пойдет в Британский музей? Нина сказала, что ему не стоит так говорить, поскольку мамин приезд оправдан уже тем, что ей уже давно хочется познакомиться с Джоном.

Он озверел, ибо в памяти еще свежи были воспоминания о Марии, и поинтересовался, считает ли русская ортодоксальная церковь внебрачную связь грехом? Нина сказала, что да, считает, но это не фактор. Фактором же было то, что если бы ей нужны были только любовники, то незачем было бы переезжать в Лондон. На те деньги, что ей платят за администрирование, в Москве можно было бы жить гораздо лучше, а вот муж англичанин – это круто. Джон сообщил, что это точно не по адресу, она устроила истерику по поводу обмана и напрасно потраченного года (Как будто этот потраченный год просто кишел альтернативами!), а Джон на всякий случай сменил мобильник, соврав Одри, что у компании политика смены номеров не реже, чем раз в три года.

Одри всей этой ерундой расстраивать было нельзя. Джон был очень осторожен и всякий раз перед посадкой в Эдинбурге не забывал пройтись по телефону и на всякий случай стереть все тексты, даже невинные, и все номера, которые могли бы вызвать у Одри вопросы. Стирать вообще всё было бы более подозрительно. Хотя он ни на минуту не допускал, что Одри проверяет его телефон. Да никогда она до этого не опустится!

В последние два года он был безгрешен. То ли работа, то ли возраст стали сказываться, но ему как-то вполне хватало Одри и их друзей и не тянуло на сторону. Джон решил – не без сожаления – что и это прошло, на том и успокоился. Собственная вина не покидала его. Сейчас их ребенок уже был бы тинэйджером и наверняка появился бы и второй. Джон считал, что мания, с которой Одри тянет их обоих в клубы, на джаз, в мини-поездки по Европе на длинные уик-энды, есть своего рода компенсация. Но, несмотря на то что это добавило лишние нагрузки в его жизнь, и так полную перелетов и недосыпов, он любил этот образ жизни *working hard and playing hard*. Он любил шутить, что его жена выбирает из него всё, что по оплошности еще не выжала из него компания, но жил в балансе и гармонии и даже радовался, что адюльтеры в прошлом.

На работе Джон в последние годы очень продвинулся. Он был в той же позиции, что и четыре года назад, когда начинал, но стал главным из региональных вице-президентов по продажам, да и компания существенно выросла. Этот прирост сделал как раз он за счет Европы, «его» региона. Поэтому именно Джон вот уже третий год подряд возглавлял группу, представлявшую компанию на ежегодной международной выставке «3 GSM» в Барселоне. Там он тусовал клиентов с ночи до утра и с утра до ночи, выматываясь, но получая от этого удовольствие, и всегда возвращался с каким-то уловом. Его шеф время от времени ужинал с ним, как он выражался: «чтобы поэксплуатировать его мозги».

Шеф Джона заслуживал особого внимания. Не достигший еще и сорока, он слыл бонвиваном и вел богемный образ жизни. Женат он был, несмотря на молодость, вторым браком, а одевался с тщательностью голубого и продуманной небрежностью голливудского кино-критика. Никто бы не подумал, что он способен драть три шкуры за невыверенные цифры в еженедельном отчете, да и вообще их читать. Несмотря на его одержимость цифрами, они с Джоном составляли прекрасную пару, потому что Джон знал отрасль и рынок, как никто, а взгляды на отдых у них вообще совпадали полностью. В последние два года они, по сути, управляли компанией в тандеме.

Недавно шеф пригласил Джона к себе и представил нового вице-президента по «корпоративной стратегии», девицу лет тридцати, не больше. «Какая корпоративная стратегия? – подумал Джон. – У нас компания маленькая, и мы вдвоем с ним все делали и будем делать на коленке за ужинами». Девицу звали Джулия, и она пришла из корпорации «МакКинзи», что само по себе говорило о многом.

Через неделю работы она явилась к Джону в офис и, открыв с достоинством желтый блокнот формата А4, устроила ему допрос, по какой формуле он строит графики продаж и где матричная модель оптимизации структуры портфеля? Джон тем временем ее рассматривал.

В Джулии не было ни красоты, ни даже привлекательности, а стилем просто не пахло, хотя одета она была дорого. Слишком широко расставленные серо-голубые водянистые глаза, чересчур длинный прямой нос, тонкие бледные губы, а всему лицу явно недодали красок, оно казалось сероватым. Деловой серый костюм с прямой юбкой до середины колена и туфли без каблуков подчеркивали, что ноги-то коротковаты. На плечах лежал яркий платок Ferragamo, на шее двойная нитка жемчуга. Но было видно, что эта серая мышь за тем и поставлена, чтобы всем выесть печень. В первую очередь ему, Джону.

Поговорив с Джоном, а потом со всеми менеджерами продаж, она через неделю направила всем сэйлам в четырех регионах императивное уведомление, что отныне бонусы привязаны к продажам не по году, а поквартально. Это было вообще не ее ума дело, никакого отношения к «корпоративной стратегии» не имело и взбесило и унизило не только Джона, но и всех менеджеров продаж, которые толпой повалили к нему жаловаться. Джон их успокоил, как мог, и тут же стал названивать шефу, который, как частенько, был не в Лондоне. Но не дозвонился, а вместо этого к вечеру получил инструкцию не морочить ему, то есть шефу, голову офисными склоками, а немедленно прибыть в Париж, чтобы вместе с ним, шефом, раскрутить какой-то грандиозный светский event.

Это мероприятие, как Джон понял, прогуглив всё в «Евростаре» по дороге в Париж, никакого отношения к их индустрии не имело, а было сборищем международных селебритиз не первой свежести, которые время от времени собирались, чтобы обдумать будущее устройство мира. Всё начиналось с приема в «Георге V», затем круиз по Сене до Музея д'Орсэ, где был запланирован долгий ужин с речами и словесными перепалками.

Шеф и его ассистент остановились в отеле «Крийон», и Джон с вокзала поехал сразу туда, чтобы понять, зачем его вызвали. Он надеялся, что, по крайней мере, сможет обсудить, какой вред компании наносит Джулия своими безумными эскападами.

Шеф и его ассистентка, женщина лет сорока, со слегка лошадиной челюстью, но вообще добрая и неглупая тетка, сидели в лобби «Крийона» в компании девочки лет двадцати двух, в черном маленьком платье Chanel и белом кружевном жакете. Несмотря на притягательность юности, девочке не хватало индивидуальности, а ее вечернее платье явно было не лучшим выбором для поездки по реке парижским октябрьским вечером. В такси по дороге в «Георг V» (шеф и девочка отбыли отдельно в его лимузине) Джон поинтересовался, кто она?

– Его переводчик.

– Он знает французский со школы, у него что, внезапный приступ амнезии?

– Ну, нюансы все-таки могут ускользать, а темы-то важные. Да и вообще, престижно иметь полнометражный протокол на всякий случай.

На приеме Джон ловил момент, чтобы переговорить с шефом. Тот разговаривал то с одним, то с другим и был всё время с девочкой, которая, насколько Джон мог слышать, ничего не переводила. Шеф заметил и подозвал Джона.

– Слушай, сделай одолжение, старик. Александра, – он мотнул головой в сторону девочки, – хочет покурить, а я не могу оставлять ее одну. Ты не мог бы с ней прогуляться в лобби или на улицу? Черт знает, где тут курят.

Джон и Александра вернулись в лобби и утонули в мягких низких креслах. Джон, не желая вступать на минное поле, которое уже отчетливо просматривалось, не спрашивал ее ни о чем, а непринужденно повествовал об истории отеля и его декоре. Девушка слушала, одобрительно и дружелюбно поддакивая.

После приема все двинулись на корабль. Шеф оказался зажатым на сиденье между девочкой и французским организатором мероприятия и в какой-то момент снял пиджак и накинул его на плечи Александре, которая явно мерзла в своем платишке. Ужин был типичен для такого рода затей – официанты в белых перчатках, очень хорошие вина, бесконечные перемены блюд, речи за десертом. Когда они выходили из-за стола, Джон предложил, что было совершенно в духе отношений в их компании, поехать куда-нибудь на диджестив – Париж все-таки! Шеф счел это отличной идеей, и его слова еще висели в воздухе, когда подкатил черный «мерседес» и девочка втянула шефа туда за рукав, оставив ассистента и Джона на ступенях Музея д'Орсэ.

Джон подумал, что поймает шефа и переговорит с ним за завтраком в «Крийоне», но на завтрак пришли только ассистент и Александра. Шеф появился лишь около десяти часов утра, помелькал на конференции и исчез. Александру Джон тоже больше не видел и после конференции не поехал на поезде, а сразу взял прямой рейс до Эдинбурга.

На следующей неделе выяснилось, что Джулия настояла, чтобы генеральный сократил пять позиций, причем именно в продажах, и вывез всю компанию на день за город для общего мозгового штурма по «корпоративной стратегии». Джон ворвался в офис шефа и настоял на ужине.

– Ты должен объяснить мне, что происходит. Бизнес-план утвержден акционерами и переутвержден летом после аудиторского заключения. С какой стати вдруг резать позиции в конце октября? У нас на будущий год, по крайней мере, два проекта в Испании, и я уже добиваю Гамбург. Мне нужны будут люди. Это не только бессмысленно, это не профессионально.

– Не надо делать из этого драму, Джон. Джулия молода, ей хочется развернуться, показать себя, ну сделает она пару ошибок, ну и что? Я обещаю тебе, что мы порежем позиции, не трогая твой регион. Терпеть не могу эти мелкие рутинные вопросы. Наш зам по производству тупой и отстал от жизни лет на десять. Его-то уж точно надо менять. Джулия ищет ему замену, чтобы уже до конца года решить этот вопрос. Но тебе-то нечего волноваться. А я чувствую, что мне надо сосредоточиться на будущем компании, ее месте на глобальном рынке двадцать первого века.

Джону казалось всё дурным сном. С чего это вдруг их зам по производству стал отставшим от жизни? Почему он и шеф утратили общий язык? Если лунатические бредни Джулии действительно будут реализовываться, это станет концом компании. Две недели спустя производственный пригласил Джона на ланч и сказал, что уже подыскал себе новое место и уволится перед Рождеством.

– Джон, я рад, что уйду, потому что перемен к лучшему здесь не будет. Ты тысячу раз прав во всем. Но это не меняет простого факта...

– Какого именно?

– Что Джулия – подруга Александры и попала сюда по ее протекции. Да-да. Александра настояла, чтобы босс создал эту позицию, взял Джулию и разгрузился. Потому что наш генеральный слишком много работает и ему надо научиться делегировать. Наш босс перерабатывает! Даже не смешно. Он теперь не только отдыхает без продыху, но еще и посещает все эти чумовые форумы, делая из себя селебрити, а из нее – светскую даму международного калибра.

– Я не могу поверить. Ведь он женился второй раз меньше пяти лет назад!

– Они с женой уже более полугода выходят в свет порознь, а Александра – его практически официальная подруга.

– Невероятно! Его жена такая умница, и он променял ее на это пирожное, а теперь отдает ее сумасшедшей подруге весь бизнес, и та его точно раздербанит, если мы не будем бороться.

– Я с ветряными мельницами не сражаюсь, Джон. Я не молод, но вполне продаваем на рынке. Я лучше отойду. Если он руководствуется советами, полученными за ужинами в «Ритце» или в Ницце, тут я бессилен.

Джон подумал, что производственник, пожалуй, прав. Ему даже стало жалко шефа, который рушит и свою компанию, и, возможно, жизнь. Оказался недостаточно зрелым, чтобы все делать легко...

Глава 13

«Как же легко, когда легко... Я не влюблена, слава богу. Он классный и стильный, и теперь есть с кем выйти в этом городе. Но в свой мир его пускать не надо, да он и не рвется».

Анна сидела за ланчем со своим юристом, но не могла сосредоточиться на разговоре, потому что нервничала, несмотря на уверения в своей невлюбленности. Она не видела Джона с прошлой недели, тот был в Париже, а вчера улетел в Гамбург, договорившись с ней сегодня на ужин, но не звонил и не текстовал уже два дня, и ужин слегка завис. В полтретьего у нее в сумке зазвонил телефон, и она, извинившись, выскочила в коридор. Услышав, что Джон не может за ней заехать, а предлагает сразу встретиться в «Харви Нике», она выдохнула с облегчением, довела ланч до конца, заскочила в офис, раздала всем задания, заехала домой переодеться и схватила такси до «Харви Ника», чтобы успеть сделать укладку там же. Она не понимала, почему у нее колотится сердце.

Джон уже ждал ее в баре «на Пятом», потягивая джин-тоник. Она опять выглядела по-новому: в черной юбке колоколом, пестром тонком свитере и черных обтягивающих сапогах на шпильках. Волосы торчали в разные стороны, как у мальчишки, задорно и по-вечернему. Она потянулась к стакану Джона, но он шлепнул ее по руке со словами:

– Не хватай чужое, а жди, и тебе всё принесут. Веди себя прилично, бэби.

Выпив, они направились по Слоан-стрит в «Зафферано».

Казалось, в Джоне произошел какой-то поворот. Рассказав про Париж без подробностей, особенно про Александру, он спросил без обиняков:

– Слушай, я никогда не спрашивал раньше, но мне интересно... Если, конечно, я не очень влезаю в твою личную жизнь. Ты здесь живешь одна – ну, в смысле ты вообще одна, или в разводе, или, скажем, ну, вдова, например? Я понял, что у тебя есть сын, ты так вроде говорила как-то, ну а в остальном?

– Да, у меня сын и еще муж, но мы живем врозь.

– Но вы не разведены?

– Нет, мы даже два раза в год отдыхаем вместе с сыном.

– Значит, вы расстались друзьями?

– Да мы и не расставались. У нас нормальная семья. Мы так живем с тех пор, как я уехала в Москву, а ему было лучше оставаться в Штатах. Так и живем.

– Очень необычно. Но звучит так, что тебя это полностью устраивает.

Джон задавал в тот вечер всё новые и новые вопросы. Отом, как она жила в Америке, какой у нее был круг, откуда она знает самого Билла Марриотта, правда ли, что в Москве она вела проекты многих олигархов, как она всего этого добилась, если еще в двадцать лет не знала ничего, кроме марксизма, а выезжала не дальше Балтийского моря? В его вопросах был неподдельный интерес, желание понять ее мир.

У Анны не было охоты его туда пускать, этого понять нельзя, можно только прожить. Но ей было приятно говорить о своей культуре, о загадочной для иностранцев российской планете. Он спросил, где она останавливается в Москве, и она рассказала, как сама чертила, строила и декорировала квартиру в «доме со львами», а заодно и про фильм «Офицеры». В этой картине главный герой шел именно в этот дом на собрание с поленом под мышкой. Она рассказала, как вид из окон ее квартиры похож на Нью-Йорк и как ее квартира попала в интерьерный журнал. Он взял ее руку через стол:

– Ты не перестаешь меня удивлять. Для меня новость, что ты дизайнер и знаешь французский.

Анна чуть смущенно улыбалась, а он думал, сколько еще неизвестных пружинок в этой изящной игрушке и как интересно с ней играть.

– Ты смотришь на меня, и я чувствую, что я для тебя открытая книга.

– Вовсе нет, я очень мало о тебе знаю.

– Не мало, а вообще ничего.

– Ну так уж и ничего! Я знаю, что ты умный, что с тобой всегда весело, что ты успешен в работе, что ты воин.

– А ты уже знаешь, что очень любишь заниматься любовью со мной?

Они начали целоваться, едва выйдя из ресторана, впервые чувствовали, что совсем не чужие друг другу. Анне так было хорошо, что наконец рядом с ней мужчина без комплексов, уверенный в себе по-настоящему, а не пытающийся убедить в этом других. Они целовались и в такси, не переставая. Дома Анна зашла в ванную смыть макияж и увидела на краю раковины крем для бритья и одеколон. «Хорошо, что просто принес и поставил, не делая из этого события». Она вернулась в гостиную с журналом в руках, показать ему квартиру.

– Очень красиво, правда. Современно, стильно, много воздуха и света. Очень на тебя похоже. А было бы здорово поехать вместе в Москву и остановиться в твоей квартире. Мне, может быть, скоро придется туда поехать. Ты могла бы найти предлог поехать в то же время? А ты действительно родилась в этой квартире? Какая она тогда была?

– Тебе будет трудно представить. Длинный коридор, восемь дверей. В одном конце коридора туалет, в другом – ванная. А в кухне две плиты и восемь столов. В квартире проживали восемь семей. В одной из комнат жили мои бабушка и дедушка. В начале тридцатых годов у них родилась дочь. Та выросла, вышла замуж, в самом конце пятидесятых, привела в эту комнату мужа. У них долго не было детей, а потом тоже родилась дочка. Это была я. В комнате стояла полутораспальная кровать для бабушки и дедушки, раскладной диван для родителей и моя кроватка с сеткой. Еще был круглый стол посередине, большой буфет, шкаф и дедушкин письменный стол. А каждый Новый год покупалась елка, никто не мыслил, что могло быть иначе. Елку было ставить некуда, и ее подвешивали к потолку.

В других комнатах жили родственники, близкие и дальние. А в одной семиметровой комнатке без окна всю жизнь прожила неграмотная тетя Дуня, бывшая до революции у моей бабушки и ее сестер прислугой, которую те привезли в Москву.

Джон взял Анну на руки и понес в спальню. Раздевая ее, он вдруг сказал:

– Ты совершенно особенная, Анна. Но всегда должна помнить, как тебе повезло, что ты заполучила меня.

Он ушел тихо ранним утром, поставив свежесваренный горячий кофе на тумбочку и поцеловав ее, спящую, в волосы. На журнальном столике остались два стакана и раскрытый журнал с фотографиями квартиры.

Эта квартира стала еще одним поворотным пунктом в жизни Анны. У нее началась череда неприятностей на работе после двух лет бесспорного успеха. Босс к ней подостыл, а «свежая кровь» только этого и дожидалась, и тут же начала клевать. Виктор еще был рядом, но эта вечная «битва за урожай» уже высосала из Анны силы. Но хотя бы ради продолжения этой битвы ей нужно было найти какой-то источник позитивной энергии. Она жила в хорошей квартире в тихом центре, достаточно просторной и современной, дизайн которой сделала сама, и это было то, что подходило ей в те годы: жилье космополитичной молодой урбанистки без семьи.

Но это свое жилье Анна переросла – ее статус и вкус требовали чего-то более роскошного, большего statement ее успеха. Если на работе сейчас черная полоса, то новая квартира сама по себе будет залогом успеха, решила Анна и бесстрашно выбрала огромную квартиру в историческом здании, аристократичном, как она сама.

Дом был полностью реставрирован, напичкан сложнейшей инженерией, и, конечно, не осталось следа от обшарпанного подъезда, в который она входила ребенком с няней. Девелоперы расселяли дом лет десять – он того стоил, а потом, полностью выпотрошив зда-

ние, перестраивали его заново еще года три. Любая фасадная квартира в нем стоила гораздо больше, чем Анна могла себе позволить, а на бонусы в ее нынешней ситуации особо надеяться не приходилось. И тут именно Виктор дал ей совет:

– Моя дорогая, иди и покупай.

– Но мне придется, кроме ипотеки, еще влезть в жуткие долги и занять практически у всех, кого я знаю.

– Ну, вот так и сделай. Не бойся долгов. Наоборот, ты будешь вынуждена волей-неволей найти способ вытянуть себя за волосы. У тебя не будет времени на депрессию, надо будет крутиться, чтобы отделать квартиру и отдать долги.

Анна пошла на архитектурные курсы и за полгода сделала даже какой-то дипломный проект и получила корочки. С отвагой неопита села за чертежи и составление бюджета. Ездила на стройку перед работой каждый божий день и муштровала бригаду, заставляя переделывать все, что напортачили. Когда они закончили, квартира выглядела стерильной, словно операционная. «Как вы здесь жить-то будете?» – спросил прораб. – Прямо больница какая-то».

Но ей хотелось интерьер экстремально минималистский, просто на острие ножа. В контрасте с дореволюционным фасадом и в гармонии с урбанистическим уродством Нового Арбата, вид на который открывался из огромных окон и арочной балконной двери. В стерильность интерьера с огромным темно-красным кожаным панно на одной стене и ярким абстрактным полотном сына на другой она вбросила несколько дорогих безделушек: вазу Vassarat, ярко-синюю пепельницу муранского стекла, пару антикварных шкатулок из маминного наследства, пианино и антикварную швейную машинку. Эффект получился ошеломляющий. Интерьер был оригинален, дерзок и стилистичен. Как она сама. Только немного холоднее.

Глава 14

«Мне, правда, повезло... – Анна в постели пила кофе, оставленный Джоном на тумбочке. – Он естествен, уверен в себе и совсем меня не боится. После вереницы уродов, которые все пытались понять, достаточно ли они хороши для меня, чтобы уж точно иметь право вымещать на мне свои комплексы, то играя в мачо, то не звоня неделями, а то истеря. Джон другой. Он не любит меня, но при этом дает гораздо больше, чем те, которые уверяли, что любят». Ее телефон был полностью с этим согласен, так как тут же тренькнул текстом: «Привет, соня! Проснулась? На работу пора».

Это подтверждало, что ее решение не влюбляться – единственно правильное, потому что уж Джону ее любовь точно не нужна. Ни как таковая, ни как средство самоутверждения. Наоборот, если он чего и может испугаться, то именно этого – любви, утраты легкости. Даже не испугаться, а просто спокойно отойти от больного по причинам личной гигиены.

Три дня спустя, возвращаясь из Москвы в Лондон, она подумала, что жизнь налаживается: она завоевала уважение коллег, стала одним из *opinion leaders*, центров формирования мнений, выглядела на миллион, и у нее классный бойфренд. Или просто френд. Джон уже забил ее телефон текстами, что ждет и хочет видеть сразу по приезде, хотя самолет прибывал только в девять вечера.

Как только она включила телефон, выйдя из Хитроу, выскочило первое сообщение: «Уже прилетела?» Она подтвердила – и тут же: «Готова тонуть в объятиях?». Она ответила: «Да, и в розовом шампанском». Его ответ рассмешил: «За мной объятия, за тобой шампанское, справедливо?» Сердце опять заколотилось, и стал раздражать медленный трафик. Когда она уже въехала в центр, пришел новый текст: «Значит, отменяем.» Что отменяем? Встречу? Она набрала его номер – автоответчик. Набрала снова – отключен. Вдруг почувствовала острый укол той боли, которая жила в ней, когда Виктор, вместо того чтобы приехать, как договаривались, исчезал и отключал телефон. Неужели опять те же грабли? Этот маленький укол вызвал рефлекс паники, и, уже не соображая, что творит, Анна позвонила и наговорила на автоответчик, что она уже дома и ей ясно: он занят чем-то более важным, но она не заслужила такого обращения.

Джон позвонил через пять минут: «Анна, что с тобой? Ябыл в метро, получил твое сообщение, но ты хочешь меня видеть или нет?» И буквально через минуту, пока она еще не оправилась от своей идиотской ошибки, уже открывал дверь. Он вошел, выглядя неотражимо, как всегда, в стильном сером костюме, с кейсом в руке, но был хмур, как будто измучен. Она подбежала к Джону, чувствуя себя глупой и виноватой.

– Молчи, ни слова, – сказал Джон, крепко обняв и прижав ее к себе одной рукой. – Просто заткнись сейчас, пожалуйста.

Они стояли так у двери долго, он так и держал кейс в руке. Потом поставил его на пол, обнял Анну, стал целовать в макушку, прижимая ее лицо к своей груди. Он вдыхал запах ее волос и держал так крепко, чтобы она не могла сделать сама ни одного движения. Он не понимал, что сделал не так, и не это было страшно, а то, что однажды из-за какого-то другого глупого недоразумения может ее потерять.

Позже, в постели, всё еще крепко сжимая Анну, уже почти в полусне он сказал:

– Я хочу спать, держа тебя в руках всю ночь, не отпуская. А потом проснуться и держать тебя в руках весь день. Пожалуйста, не будь жестока ко мне. Никогда.

Весь следующий день тексты летели в обе стороны. И на следующий – тоже. Джон собирался к ней вечером, и Анне так захотелось что-то для него сделать, что она текстанула: «Не заказывай столик, я готовлю ужин».

Анна вытащила мамино серебро и хрусталь из коробок и встретила Джона запеченным лососем в соусе из киви, лайма и терияки со спаржей и картофельным пюре с трюфелями. Джон принес и розовое шампанское, и целую кучу маленьких свечей, которые зажег и расставил в гостиной и в ванной, погасив везде свет. Анна опять его удивила. Тем, что готовит для него. Это был еще один вечер осторожного узнавания мира друг друга. На ее вопрос, что он любит, Джон тут же ответил:

– Путешествия, активный отдых, гольф, теннис, вино, музыку любую – от оперы до кантри, хорошую еду и новые интересные знакомства.

Анна сказала, что хотела бы поехать с ним в Париж.

– Знаешь, мне просто любопытно. Ты привлекательная, совершенно необычная, вращаешься в международных кругах, где доминируют тысячи мужчин, каждый из которых явно успешен. Не меньше половины из них сходят по тебе с ума. Почему я тебе интересен? Я, конечно, знаю себе цену, но по сравнению с ними я достаточно ординарен и к тому же женат. Разве ты не можешь найти себе кого-нибудь получше?

– Я никого не ищу. Так получилось...

– Вот этого не надо. Ты пришла в «Харви Ник», «на Пятый», стандартное место знакомств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.